

Пасхальное письмо из Бутырской тюрьмы

Георгий Осоргин — князю Григорию Трубецкому

30/III—12/IV-1928 г.

Христос Воскресе! Милый дядя Гриша, поздравляю тебя и тетю Машу с наступающим праздником и желаю Вам самого лучшего. Давно, давно мне хочется написать тебе, милый дядя Гриша. Ты столько всегда участия проявлял ко мне, с такой сердечностью помог в трудную минуту моей жизни, а главное весь твой облик неразрывно связан у каждого из нас, твоих племянников, с такими чудными воспоминаниями, и ты всегда есть, был и будешь самым нашим дорогим и любимым дядюшкой.

Наступает четвертая Пасха, которую я провожу в этих стенах, в разлуке с семьей, но чувство, с самого детства пронизавшее меня насквозь в эти дни, — мне и на этот раз не изменило: с начала Страстной я сразу ощутил приближение праздника; слежу за церковной жизнью по звону, мысленный слух мой полон слов и напевов из страстных служб, а в душе все растет чувство благоговейного умиления, которое, бывало, ребенком испытывал, идя к исповеди и причастию, и в 35 лет это чувство так же сильно, так же глубоко захватывает, как тогда в детские годы.

Милый дядя Гриша, перебрал в своей памяти Пасхи прошлых лет, я вспомнил нашу последнюю Пасху в Сергиевском, проведенную вместе с тобой и тетей Машей, и вот тут я и почувствовал необходимость сейчас же тебе написать. Если ты не забыл. Пасха 18-го года была довольно поздняя, а весна ранняя и очень дружная, так что когда на последней неделе поста мне пришлось везти тетю Машу из Ферзиков, стояла полная распутица. Как сейчас помню эту поездку: был теплый насыщенный сыростью пасмурный день, который быстрее самого сильного солнца съедал державшийся еще в лесах и по логам снег. Куда не оглянешься, всюду вода, вода и вода, и даже все звуки сосредоточились в ее со всех сторон несущемся, то бушующем, то журчащем течении, да в наполняющем воздух неумолкаемом звоне бесчисленных жаворонков. Ехать при-

шло все же на саях, но не по дороге, одиноким грязным гребнем вившейся среди полуобнаженного поля, а стороной, с опаской выбирая места. И в каждом следе копыт, в каждой полосе, оставляемой полозьями, немедленно образовывался маленький мутный ручеек, куда-то стремившийся, куда-то озабоченно пробивавший себе дорогу. Ехали мы безнадежно долго, измучили лошадь, и в конце-концов, миновав благополучно на Поливановском поле одно из самых трудных мест, я обнаглел, поехал смелее и завез-таки тетю Машу, да так, что чуть не утопил и лошадь, и сани: пришлось распрягать, вытаскивать, мокнуть чуть не до бровей, словом, было совсем, совсем кулерлокально. Помнится, вся ранняя весна того года прошла под впечатлением особенно стремительного напора оживающих сил, но весь этот веселый весенний гам, несмотря на красоту и радость пробуждающейся природы, не мог заглушить в каждом из нас то чувство тревоги, которое щемило сердце: то чья-нибудь бессмысленная озлобленная рука вновь и вновь кощунствовала над нашим Сергиевском, то угнетало сознание, что наша дружная спаянная семья начала разлетаться: Соня за тридцать земель с кучей детей, одна, в разлуке с мужем, Сережа, только что женившийся, неизвестно где и как, и на все то Вы, милый дядя Гриша с тетей Машей, разлученные с Вашими младшими птенцами, в постоянном остром беспокоестве о них. Нехорошее это было время, тяжелое, и вся эта смутность душевная, помимо определенных причин, имела под собой много, кажется, еще более глубокую общую почву: все мы, и стар и млад, стояли тогда на крутом переломе, позади себя мы оставляли, бессознательно прощаясь с ним, полное дорогих любимых воспоминаний прошлое. Впереди смутно рисовалось какое-то враждебное, совершенно неизвестное будущее.

Между тем наступила Страстная. Весна была в том периоде, когда при-

рода, сбросив с себя в первом порыве зимние оковы, временно затихает, словно отдыхая после одержанной победы. Но и под этим кажущимся спокойствием всегда чувствуется сложный скрытый процесс, совершающийся где-то в недрах земли, которая готовится распуститься во всей красоте могучего роста и цветения. Пахота, а затем и сев яровых был полон пахучих испарений и, идя за плугом по потной, легко разворачивающейся борозде, так и обдает тебя чудным запахом сохнувшей земли, тем запахом, который меня всегда опьянял, потому что в нем особенно ощущалась беспредельность растительной силы природы. Не знаю, как Вы себя чувствовали в то время, потому что я жил совершенно обособленной жизнью и работал с утра до вечера в поле, не видел, да и не хотел видеть ничего другого, слишком мучительно было думать, и только предельная физическая усталость давала возможность если не забыть, то хоть забыть. Но с наступлением Страстной начались службы в церкви и на дому, пришлось регентовать спевками и на клиросе.

В Великую Среду я кончил посев овса и, убрав плуг и борону, всецело взялся за камертон. И вот тут началось для меня то, что я никогда в жизни не забуду. Милый дядя Гриша! Помнишь ли ты службу 12 Евангелий у нас в нашей Сергиевской церкви? Помнишь ли ты замечательную манеру служить нашего маленького батейки? Этой весной будет 9 лет, как он во время Пасхальной заутрени скончался, но до сих пор еще, когда я слышу некоторые возгласы, целый ряд мест из Евангелия, мне чудится взволнованный голос нашего милого батейки, с такими в душу льющимися проникновенными интонациями. Я помню, что тебя тогда захватила эта служба, что она на тебя очень сильно подействовала. Как сейчас вижу возвышающееся среди церкви огромное Распятие с фигурами Божией Матери и Апостола Иоанна по бокам, окаймленное дугой разноцветных лампадок.

Колелебующее пламя множества свечей, и среди знакомой до мельчайших подробностей толпы Сергиевских крестьян твою фигуру у правой стены впереди церковного ящика с выражением созерцания на лице. А если бы ты знал, что происходило тогда в моей душе?! Это был целый переворот, какое-то огромное исцеляющее вдохновение. Не удивляйся, что я так пишу, я, кажется, ничего не преувеличиваю, только мне сейчас очень волнительно вспомнить обо всем этом, потому что я все время отрываюсь, чтобы подойти к окну послушать над Москвой. Над Москвой стоит ясная тихая звездная ночь, и слышно, как то одна, то другая церковь медленно размеренными ударами благовестит очередное Евангелие. И думаю о моей Лине с Мариночкой, о папе, маме, сестрах, братьях, о всех вас, тоскующих в эти дни на чужбине, таких дорогих близких, и как ни тяжело, особенно сейчас, сознание разлуки, я все же непоколебимо верю, что настанет час, когда мы все соберемся, так же как собраны все сейчас в моих мыслях.

1-14/IV 1928г.

Мне не дали кончить письма и я нарочно.... вечером. Вот, вот начнется Пасхальная заутрени. В камере у нас все прибрано, на общем большом столе стоят куличи и пасхи. Огромное ХВ из свежей зелени кресс-салата красиво выделяется на белой скатерти с рассыпанными вокруг ярко покрашенными яйцами. В камере необычайно тихо,

Письмо написано в пасхальную ночь 1928 года. Его автор Георгий Михайлович Осоргин (1893-1929) происходил из старинного русского дворянского рода, прославленного в XVII веке бессребрничеством святой праведной Иулиании Лазаревской (Осоргиной). В Калужской губернии у родителей Георгия — Михаила Михайловича Осоргина (до 1905 г. служившего губернатором) и Елизаветы Николаевны (в девичестве Трубецкой) — было имение Сергиевское, где в 1918 г. автор письма занимался крестьянским трудом. Краткий рассказ о последних днях жизни Георгия Осоргина приводит в «Архипелаге ГУЛАГ» Александр Солженицын. Более подробно о месяцах, проведенных совместно с Осоргиным в стенах Бутырок и затем на Соловках, повествует Олег Волков в своей книге «Век надежд и крушений». И еще одно произведение, на страницах которого читатель встретит

чтобы не возбуждать начальства, все прилегли на опущенных койках (нас 24 человека) в ожидании звона, а я сел снова тебе писать.

Помню, вышел я тогда из Сергиевской церкви ошеломленный той массой чувств и ощущений, которые на меня нахлынули, и вся моя прежняя смутность душевная показалась таким не стоящим внимания пустяком. В великих образах Страстных служб, через ужас человеческого греха и страдания Спасителя, ведущие к великому торжеству Воскресения, я вдруг открыл то самое важное, нерушимое ничем, которое было и в этой временно при молкшей весне, таящей в себе зародыш полного обновления всего живого.

А службы все шли в своей строгой глубоко проникновенной последовательности, образы сменялись образами, и когда в Великую Субботу после пения «Воскресни, Боже» диакон, переоблаченный в светлую ризу, вышел на середину церкви к плащанице для чтения Евангелия о Воскресении, мне казалось, что все мы одинаково потрясены, одинаково чувствуем и молимся. А весна тем временем перешла в наступление. Когда мы шли к Пасхальной Заутрени, стояла душная сырая ночь, небо заволочло низкими тяжелыми облаками и, идя по темным аллеям сада, чудилось какое-то шевеление в почве, точно из земли тянулись невидимые бесчисленные ростки, пробивавшие себе путь к воздуху и свету. Не знаю, произвела ли на тебя тогда какое-нибудь впечатление наша заутре-

ня. Для нас не было и не будет ничего лучше Пасхи у нас в Сергиевском. Мы все органически слишком связаны с Сергиевским, чтобы что-нибудь могло его превзойти, вызвать столько хорошего. Это не слепой патриотизм, потому что для нас всех оно послужило той духовной колыбелью, в которой родилось и выросло все, чем каждый из нас живет и дышит.

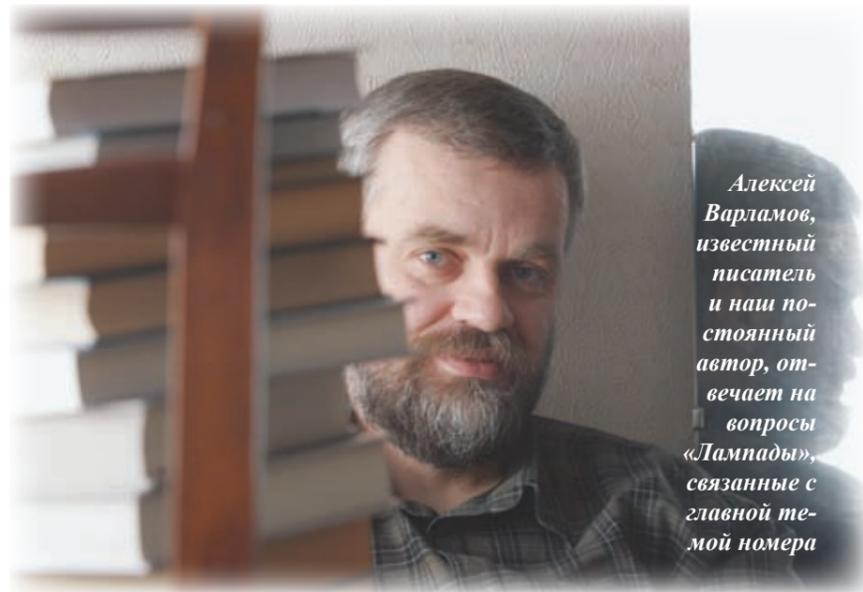
Но милый дядя Гриша! Пока я тебе писал, рассеянный звон, все время несшийся над Москвой, перешел в могучий, торжественный перезвон. Начались крестные ходы, то и дело доносится хлопанье пускаемых ракет. Слышно, как одна за другой присоединяются церкви к общему сливающимся гулу колоколов. Волна звуков все растет. Вот совсем близко какая-то, по-видимому, маленькая церковка звонко пререзает общий аккорд таким родственным ликующим подголоском. Иногда кажется, что звук начал стихать, и вдруг новая волна налетает с неожиданной силой, и торжествующий гимн колоколов снова растет и ширится, словно заполняя все пространство между землей и небом. Я не могу больше писать. То, что я слышу сейчас, слишком волнительно, слишком хорошо, чтобы можно было передать это какими бы то ни было словами — неотразимая проповедь Воскресения чудится в этом могучем хвалебном звоне. И, милый дядя Гриша, мне так, так хорошо на душе, что единственное, чем я могу выразить свое настроение, сказать тебе еще раз ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ.

Георгия Осоргина, — воспоминания Сергея Голицына «Записки уцелевшего».

Адресат Георгия Осоргина — князь Григорий Николаевич Трубецкой (1873-1929), родной дядя Георгия по матери, младший брат философов Сергея и Евгения Трубецких. В царской России он добился видного положения на дипломатическом поприще, заметно участвовал в Белом движении, в том числе входил в состав правительства генерала Врангеля. Нам теперь непросто представить, сколь замысловатыми путями письмо, сочиненное в бутырской камере, должно было из большевистской Москвы доставляться в Париж, где на ту пору жил Трубецкой.

Два дня спустя после написания письма Георгия Осоргина отправили из Бутырок на Соловки, где через полтора года расстреляли.

Наша религия крайне неагрессивна

Алексей Варламов, известный писатель и наш постоянный автор, отвечает на вопросы «Лампады», связанные с главной темой номера

– Православие в России знали многое: и расцвет, и упадок, расколы, возрождение... Можно ли назвать нынешнее состояние Православия тоже каким-то этапом? Если да, то каким? И когда он начался?

– Если говорить о внешних изменениях, то конечно все очень сильно переменялось, начиная с рубежа 80–90-х, когда государство перестало преследовать верующих. Теперь кажутся дикими те времена, когда за веру могли пусть не расстрелять, как в 20–30-е годы, но притеснять, ущемлять права, увольнять с работы, когда дежурили оперотряды комсомольцев и не пускали молодежь в храм на Пасху, а в некоторых местах крестные пасхальные ходы забрасывались камнями (у Солженицына есть рассказ на эту тему). И все это было, по историческим меркам, совсем недавно.

Открытые и вновь построенные храмы, монастыри, семинарии, книгоиздание – это черты какого-то совсем иного периода в истории Церкви. Православные сайты, радиостанции, журналы. Считать ли это возрождением? Ну не упадком же! С другой стороны, сегодня уходит или уже ушло из жизни поколение тех, условно говоря, «распутинских» старух (я имею в виду произведения В.Г. Распутина), которые собою, своей жизнью сохранили в условиях гонений и веру, и нравственность, то есть прямая буквальная связь

со старым временем, с крестьянским ладом, с миром прервана. Нынче надо признавать тот факт, что церковный люд больше живет в больших городах и связан с людьми образованными. И если раньше Церковь видела в интеллигенции угрозу для себя и для православного народа, то сегодня она – скорее союзник и в каком-то смысле «человеческий ресурс».

– Видите ли вы динамику в процессе «православизации» нашего общества?

– Во-первых, мне не нравится сам термин, ни по звучанию, ни по сути. Он предполагает некую сознательную политику, которой нет и быть не может. А вторых, какая может быть «православизация» общества, где обанкротившуюся коммунистическую идею заменила куда более успешная идеология денег и их тотальной власти? Я думаю, мы сегодня дальше от христианских ценностей, чем были раньше, как бы это ни противоречило ответу на предыдущий вопрос. Да и любые разговоры о насаждении Православия, которые иногда ведутся в либеральной среде, что Церковь – это, дескать, новая КПСС – все это спекуляция, и только. На словах государство, может быть, и лояльно к Церкви и людям верующим, но посмотрите хотя бы на наш гражданский календарь: гуляем две недели перед Рождеством, а на святки работаем. У нас нет пасхальных

каникул, принятых во всем мире. Нам навязываются ценности, чуждые христианству, подвергается сознательной порче система образования, идут постоянные нападки на институт семьи – какая здесь «православизация»?

– Не вызывает ли у вас вопросов нынешнее довольно жесткое противостояние секулярной части общества и людей верующих? Нет ли здесь опасности углубления раскола в обществе? Как следовало бы держать себя православным людям?

– Возможно, я ошибаюсь, но я не вижу ни такого уж жесткого противостояния, ни соответственно этой опасности, за исключением тех случаев, когда это противостояние искусственно создается или раздувается. Особенность Православия в том, что наша религия крайне неагрессивна. Она никому ничего не навязывает, не мстит, насильственно к себе не вербует и не удерживает против воли. Расколы в обществе происходят совсем по другим линиям напряженности. И православным людям нечего ни бояться, ни смущаться. А держать себя обыкновенно, без ложного смирения и напускной набожности, но очень твердо.

– Что вам ближе: «Православие или смерть» или модная ныне так называемая толерантность?

– Насколько я понимаю, предложивший лозунг зилотов «Православие или смерть» отец Андрей Кураев имел в виду конкретную вещь: или, будучи православным, наш народ начнет больше рожать, или мы физически вымрем. Так что толерантности это напрямую не противоречит. Из толерантности вообще не надо делать жупел: доброжелательное отношение к людям другой культуры, другой веры ничего дурного в себе не содержит. Ведь уживались как-то разные религии в дореволюционной России. Но, опять же, в случае с Православием сегодня мы видим у себя крен в другую сторону. Мы слишком толерантны, мы уступчивы и деликатны более, чем это требуется. Даже если признать, что в современном русском православии есть радикалы, то и они не так уж радикальны. Ну что можно вспомнить – разве что «погром» выставки «Осторожно, религия!», который («по-

гром») кто-то очень остроумно предложил считать ответным художественным жестом, своего рода перформансом.

– Могли бы вы набросать примерный портрет современного православного россиянина?

Я думаю, что этот портрет так многолик, противоречив, непросто, что несколькими фразами тут не отделаешься. Слишком многое зависит от того, где и как человек живет, от его возраста, статуса. Но вот то, о чем я уже говорил, – большой процент людей образованных, людей гуманитарного склада, пришедших в Церковь, – это примета нового времени. Сегодня, даже будучи самым завзятым атеистом, не скажешь, что в храмы ходят темные люди. Скорее как раз темные, необразованные туда и не ходят. А вообще, я думаю, если посмотреть кадры документальной съемки очереди к поясу Богородицы, то вся череда этих лиц и есть искомым портрет.

– Религиозная тема, сюжеты, даже соответствующая атрибутика (кресты на груди, обязательное посещение храма, венчание и пр.) занимают в современном кинематографе и в литературе, казалось бы, достаточно заметное место. Но сделано это, за редким исключением, неумело, формально, без проникновения вглубь. Не отражает ли это подлинное состояние религиозности общества, то есть подмену веры ее ритуальными, внешними признаками? Достаточно ли только истинного, глубокого исповедания веры художниками, или нужен еще и иной творческий язык?

Это все очень конкретные вещи, и обобщать тут, на мой взгляд, дело бесперспективное. И исключения не так уж редки. В литературе – книги о Тихона (Шевкунова) «Несвятые святые», Олеси Николаевой «Небесный огонь», Майи Кучерской, Валентины Курбатова, Юлии Вознесенской, в кино – «Остров», «Поп», а какие есть замечательные документальные фильмы! Нет, сводить все к одной атрибутике было бы несправедливо. И даже утверждать, что религиозное искусство создается обязательно людьми глубоко и правильно верующими, я бы не стал. Это все тайны человеческой души, которая сама себя знать не может, тем более что искусство создается не умом и даже не душою, а инстинктом, подсо-

знанием. Неверующий человек может создать произведение, полное жизни, веры, огня, и, наоборот, – верующий сочинить что-нибудь унылое, холодное. А что касается подлинного или неподлинного религиозного состояния общества, то проблема, на мой взгляд, в том, что у нас нет общества, ни религиозного, не безрелигиозного, – никакого. У нас есть некая новая историческая общность людей «постсоветское население». И сколько это население ни пытаются в народ сбить, ничего из этого пока не получается.

– Какие же мы (:) православные? Какая редакция этого вопроса, по-вашему, ближе к реальности – с запятой или без нее? Пожалуйста, обозначьте вашу точку зрения.

– Есть хорошая русская пословица «Унижение паче гордости». Если мы сейчас только тем и станем заниматься, что посыпать голову пеплом и себя самоуничтожать, – какой в этом толк? Покаяние – дело личное. А что касается редакции, суть не в запятой, а в местоимении. Замените «мы» на «я» – тогда вопрос будет осмысленным, конкретным, и пусть каждый задаст его себе. Или, вернее, задает каждый день. Но это тема исповеди, а не публичного интервью.

– Выбор жизненной позиции не так уж многообразен. Активное вмешательство, борьба с негативными проявлениями, отстаивание своих взглядов. Другая позиция – отгородиться от всего, уйти в себя, закрыть глаза и заткнуть уши, жить только для себя. А стяжать дух мирен – что это такое в наше время?

– Сам вопрос так сформулирован, что как будто бы предполагает ответ: первое – хорошо, второе – плохо. На самом деле одно другому зачастую не противоречит. Иногда надо уметь закрывать глаза на недостойные вещи, иногда – активно вмешиваться. Слушать свою совесть и для себя решать. Ну вот, чтобы далеко не ходить за примерами. Информационная атака на Патриарха год тому назад – как следовало реагировать на нее православному человеку? Активно разбираться с квартирами и часами или заткнуть уши? А надо ли нам было всем дружно поносить трех кощунниц, сыпать на их головы проклятия, митинговать возле Хамовнического суда или же молча в

душе помолиться и вообще давать как можно меньше поводов для информационной войны? Думаю, главное – не истерить, не становиться оружием в политической борьбе, а больше думать, рассуждать и, конечно, молиться. И скажем так: если у человека есть призвание активно отстаивать свои взгляды, значит, надо идти и отстаивать, а если нет – лучше оставаться дома и жить для себя, для своей семьи.

– Мир все дальше уходит от Бога. Это – навсегда?

– В этом вопросе, мне кажется, чувствуется эсхатологический подтекст: пришли ли наконец те времена беззакония и уменьшения любви, которые стоит считать последними? Человечество задается этим вопросом как минимум последние две тысячи лет, и почти каждое поколение склонно считать себя каким-то особенным, избранным. Я думаю, и в истории России, и в истории человечества бывали времена, когда люди уходили от Бога, а потом возвращались. Как бы ни было тяжело наше духовное состояние сегодня, в прошлом были и более страшные времена. И не только советские, а вот время предреволюционное, серебряный век с его «духовными поисками». Тут дело, на мой взгляд, в скорости падения, в стремительности этого ухода. Сейчас эта скорость не так велика и отступление хаотично, разнородно. А будет ли еще одно возвращение, или ждать Страшного Суда? Я думаю, что, как и в случае с вопросом «какие же мы или какой же я, православный?», надо не о всем мире печься – это занятие довольно бессмысленное, а о себе, своей семье, своих ближних.

СКРЕПЫ

Не ищите виновников того, что происходит ныне все не так, как мнится вам, но бойтесь стать судьями над Промыслом Божиим. Архимандрит Иоанн (Крестьянкин)

Скажите, пожалуйста...

 <p>Вот что ответили нашему корреспонденту Ларисе Беляевой на ее вопросы...</p>	<p><u>Валерий Михайлович,</u> пенсионер</p>	<p><u>Ирина,</u> 47 лет, студентка</p>	<p><u>Светлана Серебрякова,</u> 27 лет, домохозяйка</p>	<p><u>Анатолий,</u> 41 год, верстальщик издательства «Благовест»</p>	<p><u>Роман Войтишко,</u> ответственный за молодежное служение на приходе Рождества Христово в Рождество</p>	<p><u>Татьяна Владимировна,</u> 67 лет, пенсионерка</p>	<p><u>Евгений Юрьевич Клепалов,</u> 41 год, музыкант</p>
							
<p>Чем, по-вашему, отличается верующий человек от неверующего?</p>	<p>Верой в Бога и любовью к человеку.</p>	<p>По жизни я отличаю человека верующего, мне кажется, он добрее, отзывчивее, можно на него положиться. И вообще я стараюсь общаться с верующими людьми.</p>	<p>Лично я, как человек верующий, полагаюсь во всем на волю Божию.</p>	<p>Верующий живет иначе, и это видно неверующим окружающим людям. Не ставлю оценок – что лучше или хуже, но у них разное поведение, разное отношение к людям.</p>	<p>Верующий человек – это не сумма богословских знаний, а, прежде, всего, свет Христов, то есть жизнь по Христу. Это отличает его от неверующих.</p>	<p>Верующий человек – степенный, заботливый о других. Никогда не говорит плохих слов. А неверующий человек – его противоположность.</p>	<p>Всем. Это совершенно другой человек, с совершенно другими взглядами на жизнь, другим мировоззрением.</p>
<p>Что для вас самое трудное в жизни по вере?</p>	<p>Преодоление себя, своей гордости.</p>	<p>Любить ближних. Когда они далеко, их жалеешь и очень любишь. А когда они оказываются рядом, нередко появляется раздражение. А еще трудно любить врагов своих.</p>	<p>Наверное, соблюдать христианские законы.</p>	<p>Чтобы соответствовать своей вере делами. Не просто думать, что вот я в храм хожу и этим может все ограничиться. Этого еще мало, нужно плоды покаяния приносить.</p>	<p>Вера сама по себе трудна, но самое сложное – отказаться от самого себя. Чтобы во мне жил не я сам, а жил во мне Христос, как говорит апостол Павел.</p>	<p>Не отступать от нее. Идти прямо, как положено, это очень трудно.</p>	<p>Таких трудностей я не испытываю. Я верю и иду с этой верой. Какие-то трудности обходят стороной, а какие-то преодолеваешь.</p>
<p>Какой вы видите в будущем судьбу Православия?</p>	<p>Я верю словам преподобного Серафима, что Россия поднимется и это будет невиданный расцвет, великая радость и чудный праздник торжества Православия.</p>	<p>Вера возрождается, и, мне кажется, станет больше православных людей. Большое будущее.</p>	<p>Что значит видеть судьбу Православия? Наверное, как есть сейчас, так и останется.</p>	<p>Я думаю, что Церковь наша будет укрепляться, а дальше нас ждут испытания. Кому-то, может, и мучеником предстоит стать. Надо к этому готовиться.</p>	<p>Я не провидец, но могу сказать, что все будет по воле Божьей. Господь обещал нам, что врата ада Церковь не одолеют. Я Ему абсолютно верю.</p>	<p>Православие – очень хорошая вера, люди будут верить и идти с этой верой по жизни.</p>	<p>Я очень верю, что православие во всем мире победит. Считаю, что так и будет.</p>
<p>Как вы понимаете слова Патриарха Алексия, что вера не показывается, а доказывается?</p>	<p>Вера просто делом доказывается, только делом, только любовью, только правдой.</p>	<p>Я понимаю так, что вера заключена прежде всего в поступках и потому в душе. Опять же подтверждается словами из Евангелия: «Вера без дел мертва».</p>	<p>Доказывается вера посещением храма, молитвой и постом, меньше грешить, соблюдать заповеди.</p>	<p>Нужно веру доказывать делами, делами милосердия, делами христианской любви.</p>	<p>Если люди сначала видят в нас Евангелие, то есть жизнь по Христу, мне кажется, это хорошо подтверждает слова Патриарха Алексия – не словами вера показывается, а делами.</p>	<p>Доказывается вера тем, что ты не говоришь: я верю, а просто идешь и доказываешь своим трудом, своим подвигом, своим терпением.</p>	<p>Это очень справедливые слова, потому что много фарисействующих – болтунов и показушников. Веру надо доказывать делами, на таких надо ориентироваться и с такими общаться.</p>
<p>От чего вам, как православному христианину, хотелось бы избавиться прежде всего?</p>	<p>От способности грешить избавиться хотелось бы.</p>	<p>От многого. Это очень трудно. От раздражительности, хотелось бы быть более спокойной, воспринимать человека таким, какой он есть.</p>	<p>От лени.</p>	<p>От лени.</p>	<p>Если я буду перечислять все, страниц вашего издания не хватит. Самый главный бич человека – это он сам, его гордость.</p>	<p>От грехов, которые совершила в жизни. Хотя они и прощены Господом.</p>	<p>Это вопрос личного характера, я не хотел бы отвечать на него во всеуслышание.</p>
<p>Облегчает или усложняет вам жизнь вера?</p>	<p>Дает огромную жизненную силу. Это такой мир и свет, что ничего подобного у меня не было до этого. Только жизнь с Богом и есть жизнь, она дает радость и любовь.</p>	<p>Я убеждена: без веры человек жить не может, а усложняет или облегчает? Это, наверное, зависит от того, как человеку легче жить – наслаждаясь грехами или борясь с ними.</p>	<p>Мне облегчает.</p>	<p>Конечно, облегчает, так как мы всегда имеем упование на Господа, верим, что Он нас не оставит. А неверующий рассчитывает только на себя, что ненадежно.</p>	<p>Если центром моих интересов будет мир, то, конечно, усложняет. Если Царство Небесное, – тогда суета внешнего мира – пыль и прах.</p>	<p>Конечно, облегчает.</p>	<p>Конечно, облегчает.</p>

Протоиерей Андрей Ткачев

Исламский фактор

Должны. Обязанность знать и понимать есть одна из коренных обязанностей человека. А имеем ли мы право чему-то учиться у мусульман? А почему нет? Учиться можно у всех, и никогда не грешно.

Можно учиться хотя бы трезвости. Она вменяется у них в обязанность религиозным законом, что одно это делает мусульман уже здоровее нравственно и физически, нежели пьющие народы, и мы в том числе.

Вопрос с алкоголем относится к числу широко известных и тайной не является. А вот все остальное относится к категории «темного леса» или, говоря учено, – terra incognita. Мы плохо знаем мир ислама или не знаем его вовсе, заполняя пустоты в сознании некими мысленными штампами. Штампы эти рождены спесивым западным сознанием, мы же просто некритично их повторяем. Так, мы можем быть уверены, что мусульмане невежественны и фанатичны.

Хотя сами мусульмане настолько уважают знание, что для них «чернила учебного равны крови мученика». Когда в эпоху крестовых походов мир христианского Запада вступил в военное противостояние с мусульманским Востоком, то имени дикарей, к сожалению, более заслуживали христиане. Восток был утонченно образован, любил поэзию и философию, изучал звездное небо и мылся в банях. «Франки» же, как называли палестинцы крестоносцев, были полной противоположностью. Подобная несправедливость существует и в отношении нас с вами. Наполеон, например, Москву сжег, а русские в покоренном Париже расплатились за все, что выпили и съели, и чинно удалились. Однако западные люди привыкли считать нас за варваров, а мы сами нередко с этим спокойно соглашаемся, и они, и мы продолжаем грешить тем, что считаем их культурными, а нас – варварами.

Вообще Запад задает тон в отношении к мусульманскому Востоку, и это нужно знать. Запад демонизирует образ мусульман, и Запад же подкармливает исламских радикалов. Это довольно

Бывали времена, когда прикосновения к исламскому миру можно было ограничить «Сказками Шехерезады». Сегодня этого явно не хватает. Ислам стал мощным фактором мировой истории, и, судя по всему, в будущем влияние ислама на мир будет увеличиваться, а не уменьшаться. Должны ли мы знать и понимать это религиозно-политическое явление?

но подлая игра, непонимание которой может дорого стоить такой стране, как Россия.

Ислам не страшен для христианина, но страшен для атеиста. Сами мусульмане относятся к нам как к «Людям Писания», то есть с уважением, и для христиан есть в Коране похвальные слова, в 5-й суре: «у них есть священники и монахи, и они не горды». Атеист же в глазах мусульманина противоположен. Он – враг Бога, поскольку отвергает очевидное. Не здесь ли корень нарастающего противостояния между Западом, все далее отдаляющимся от своих христианских корней, и исламом? Цивилизованный европеец, этот «бывший христианин», а ныне эгоист и идолопоклонник, видит в мусульманах угрожающую силу. И угроза не в оружии (его у Запада больше), а в вере и приверженности религиозным традициям.

Потеряв христианскую веру, западный человек может и сам принимать

ислам. Это тоже – нарастающая тенденция. Она показывает, что внутри мусульманского мира довольно дисциплины, ума и мистики, чтобы пленить «христианского перебежчика». С этим миром нельзя шутить и презрительно к нему относиться. Он серьезен.

Получается, что, теряя веру, христианский мир обречен либо воевать с исламом, как с «дикими чужаками», либо принимать ислам. Подобное отношение к исламу есть проклятье Запада, проклятье, от которого нам нужно уйти.

Православие не должно видеть в исламе политического врага, иначе Запад будет воевать с радикальным исламом нашими руками. И православие не может духовно капитулировать перед исламом, поскольку это возможно лишь в случае полной утраты веры.

Нам именно нужно понимать и знать ислам, не воюя с ним, но умея с ним разговаривать. На христианском Востоке к исламу очень долго относились как к разновидности христианской ереси. То есть признавалось, что в исламе есть

здоровые зерна и нечто общее с нами, но есть и резкие догматические расхождения. При этом жить могли в мире и добрососедстве. Поэтому, когда западные христиане принесли на Восток на остриях своих мечей религиозную нетерпимость и категоричность, восточные христиане не почувствовали, что к ним пришли братья и освободители. Нетерпимость есть характерная черта именно западного мировоззрения, и эта нетерпимость вкупе с чувством собственного превосходства никуда отсюда не делась, хотя словечко «толерантность» и звучит на всех углах.

Итак, с мусульманами можно жить в мире, дружить и разговаривать. Разговаривать нужно о воспитании детей, о ведении хозяйства, об уважении к старости, то есть о быте и морали. А не сразу и исключительно о догматах.

О Святой Троице говорить не получится. Это неуместно для мусульманского ума, равно как и разговор о Боговоплощении. А вот о Судном Дне,

о милостыне, о посте и регулярной молитве говорить можно. И перенимать некоторые навыки, касающиеся милостыни, чистоплотности, благородства, рассудительности, можно и нужно. Кстати, о Судном Дне.

Тогда как наши горе-христиане массово кликушествуют по поводу разных цифр и электронных паспортов (чистый аналог страха дикаря перед паровозом), у мусульман есть свои признаки приближения Суда. Некоторые из них заслуживают внимания за свою направленность к моральной стороне жизни, а не к чему-либо иному. Например, таким признаком считается половая распущенность. Она будет такой, что мужчина будет ложиться с женщиной прямо на дороге среди дня, и никто не удивится этому. (Сличайте с нынешними нравами). Или – состязание в строительстве очень высоких домов. Так бедуины столетиями жившие в палатках, сегодня застраивают Эмираты самыми высокими небоскребами. И кто-то восторгается этим, выпучивая удивленные глаза, а кто-то видит здесь указание на скорый конец мира. Мне ближе вторая точка зрения. Еще к этим признакам относятся умножение самоубийств, презрение детей к родителям и способность женщин одеваться так, чтобы оставаться раздетой.

Одним словом, есть над чем подумать и есть чем поинтересоваться.

Наши предки могли прожить всю долгую жизнь, не выдав в глаза ни одного мусульманина. А мы сегодня живем в плотном соприкосновении и в тесном соседстве с различными мирами, у каждого из которых есть своя культура или свое бескультурье. И если раньше незнание было просто незнанием, то сегодня незнание уже превращается в невежество и несет угрозу его обладателю.

Мы будем иметь надежду на мирное развитие своего Отечества только в том случае, если будем умны и благочестивы, если будем стремиться к знанию и пониманию. Тогда, сохраняя в качестве ядра своего сознания христианский символ веры, мы сможем обогатиться практическими навыками и мудростью тех, кого Бог благословил жить с нами в соседстве под одним небом. Мусульмане занимают в числе этих людей очень заметное место.

Кто и как думает о нас и о нашем отечестве

Из книги Николая Онуфриевича Лосского
«Характер русского народа»

Вальтер Шубарт, прибалтийский немец, знавший, вероятно, русский язык и русскую культуру так интимно, как сами русские, написал замечательную книгу «Eugora und die Seele des Ostens», переведенную на русский и английский языки. Шубарт противопоставляет друг другу главным образом два типа человека: прометеевский, героический человек, и иоанновский, мессианский человек, т.е. человек, следующий идеалу, данному в Евангелии от Иоанна. Представителями иоанновского типа он считает славян, особенно русских. Прометеевский, «героический человек видит в мире хаос, который он должен оформить своей организующей силой; он полон жажды власти; он удаляется все дальше и дальше от Бога и все глубже уходит в мир вещей... Таковы «романские и германские народы современности».

Иоанновский «мессианский человек чувствует себя призванным создать на земле высший божественный порядок, чей образ он в себе роковым образом носит. Он хочет восстановить вокруг себя ту гармонию, которую он чувствует в себе. Так ощущали первые христиане и большинство славян». «Мессианского человека одухотворяет не жажда власти, но настроение примирения и любви... Он видит в людях не врагов, а братьев; в мире же не добычу, на которую нужно бросаться, а грубую материю, которую нужно осветить и освятить... В иоанновскую эпоху центр тяжести перейдет в руки тех, кто стремится «к сверхземному в качестве постоянной черты национального характера, а таковыми являются славяне, особенно русские. Огромное событие, которое сейчас подготавливается, – есть восхождение славянства, как ведущей культурной силы».

«Запад, – говорит он, – подарил человечеству наиболее сложные формы техники, государственности и связи, но он лишил его души. Задачей России является вернуть ее людям». «Только Россия способна одухотворить человеческий род, погрязший в вешности и испорченный жаждой власти», и это несмотря на то, что в настоящий момент «сама она мучается в судорогах большевизма».

R. Wright в книге «The Russians» (1917) говорит, что религия есть основа жизни России, пульс ее; забота не о теперешней, а о небесной жизни.

Профессор Сорбонны Жюль Легра (Jules Legras) написал книгу «L'âme russe» (1934). В ней он говорит о свободе русских ходить или не ходить в церковь, о том, что русские наименее дисциплинированный народ в Европе, но народ этот отличается смутным влечением к высшему и, по-своему, это – глубокая религиозность, более мистическая, чем во Франции. Православное богослужение, говорит он, производит глубоко впечатление.

Немец К. Онаш (Onasch) в книге «Geist und Geschichte der Russischen Ostkirche» (1947) указывает на то, что неправильно понимал Православную Церковь известный протестантский богослов Адольф Гарнак, считавший веру в Тайнства и почитание икон проявлением варварства. Русское непонимание и религиозность, говорит Онаш, отличается замечательной цельностью: в основе его лежит страсть к абсолютным ценностям и преображению мира; русские иконы свидетельствуют о преодолении земного бытия.

Ганс фон Экардт (Eckardt) в книге «Russisches Christentum» (1947) считает характерной чертой русской религиозности стремление освободиться от временного материального бытия и влечение к преображенной жизни в Царстве Божиим.

Добрый день, дорогая редакция!

Не так давно, на 79-м году жизни, я крестился в московском храме Живоначальной Троицы в Старых Черемушках. И мне захотелось рассказать, почему уже в столь серьезном возрасте совершил такой важный, как я его понимаю, поступок. Рассказать о долгих поисках дороги к Храму. Ведь воспитывали меня в обыкновенной семье атеистов, всю сознательную жизнь работал в советской прессе, двадцать девять лет, с 1961-го, носил в кармане билет члена КПСС. А может, самый первый, еще не осознанный, шаг я сделал в 90-м, когда вышел из партии? Долго, признаюсь, сомневался, стоит ли об этом писать для всех. Но решил, что именно читателям «Лампады», столь уважаемого мною журнала, выписываю который уже не первый год, наверное, можно доверить мои сокровенные воспоминания и переживания. Ведь он, как написано на обложке, «для тех, кто стремится к Истине».

Мой долгий путь к купели

Милая мама!

Тебя нет на этом свете больше двадцати лет. А я уже дожил до возраста отца, которого он достиг перед кончиной. Когда и ты ушла в мир иной, мы, ваши дети, осиротели. Ноконгда вспоминаю дни горя, что испытал, провожая вас, сейчас не только грустью полнится мое сыновье сердце. Но и радостью. Потому что, дорогая моя мамочка, я твердо знаю, что мы увидимся и с тобой, и с папой!

Не удивляйся этому моему твердому убеждению. Попытаюсь тебе объяснить, почему думаю так. В этом я уверился после события, происшедшего недавно в моей жизни. Его считаю вторым по важности после моего рождения, когда моя плоть отделилась от твоей.

Знаю хорошо, как ты была рада и счастлива, дав мне жизнь. Вот только не крестили вы, мои родители, своего первенца, хотя появился он на свет Божий в селе Владимиро-Мономахово, названного в честь святого великого князя Киевской Руси. И получил я, думаю, по подсказке верующей бабушки, имя святого князя Бориса, чей день указан в церковном календаре близ дня моего рождения. Все это, сейчас понимаю, сошлось не случайно... Но! Тогда в стране шла яростная борьба за полное искоренение «религиозного дурмана». Церковь в селе закрыли, а вы были комсомольцами, учителями советской школы...

Сколько воды утекло с тех пор в море из горной речки, что струилась рядом с тем селом! И вот настал день, когда в московском храме Живоначальной Троицы священник трижды погрузил меня в купель. И я стал православным христианином. Порадуйся моему второму рождению. Теперь я верю, что жизнь человеческой души вечна. А значит, наши души встретятся! Где и как – не хочу гадать. Господь Бог рассудит и решит.

А ведь раньше не раз с горечью думал, что уже никогда не увижу своих дорогих родителей. Не смогу поговорить с вами чистосердечно, сказать тебе, мама, как горько каюсь, потому что не часто показывал сыновьи чувства. Что не всегда оправдывал папины и твои надежды. Совершал поступки, которые вас огорчали. Но главное: как бесконечно вас любил и люблю!

В том, что такая встреча возможна в будущей жизни вечной, как-то уверил меня давний товарищ. С ним мы еще в годы молодости работали в одной редакции. Позже наши дороги то расходились, то, уже в пожилые годы, снова пересеклись... Я узнал, что он стал глубоко верующим и, что было для меня важно, воцерковленным. Как-то мы коснулись темы, давно волновавшей меня: о Таинстве Крещения, только после которого верующий может войти в Царствие Божие. «Лишь крещеный сможет на том свете встретиться с крещеными», – сказал он тогда мне твердо.

Значит, подумал я, если окрещусь, увижу тебя, папу, да и всех своих предков?! Ведь вы родились на Дальнем Востоке еще за десятилетие до установления советской власти, и вас, конечно, крестили. Вот только об этом нам, детям, никогда не говорили... При большевиках проще простого было пропагандистам-атеистам увлечь вас, подростков, новыми идеями о строительстве «рая» для пролетариев не на небе, а на земле. Тем более что ты, мама, росла в большой нужде. Часто говорила, что только благодаря комсомолу стала на ноги, получила образование...

Уже в преклонные годы, помнишь, ты с горечью рассказывала, повторяя: «Сынок, мне сейчас так стыдно!», как совсем юной в отряде «синеглазиков» призывала в безмозглых «речевках» изгонять из церквей попов, а иконами то-

Фото Александра Блохина

пить печки... Может быть, тогда тебе дали выучить и те страшные стихи поэта Мариенгофа о том, как в большевистской «чрезвычайке» вновь распинают Христа. Не могу привести эти строки дословно и осеять себя крестным знаменем... В какое же богоборческое время проходила молодость твоего поколения!

Слава Богу, мое отрочество пришлось на послевоенное время, когда, насколько знаю, антирелигиозных оргий, что творились в ранние годы советской власти, не было. Но было другое... На Дальнем Востоке, где мы жили, а потом я работал журналистом и часто ездил по краю, не видел ни одной действующей церкви. Так что Хрущев, обещавший показать народу «последнего попа», был близок к выполнению этого бредового, другого слова не найду, «обещания». Книг, в которых правдиво рассказывалось хотя бы об истории религии, тоже было не найти. А те, у кого еще сохранилось Священное Писание, читали его втайне...

Поэтому я, как и мои сверстники, будучи людьми образованными, были профанами в вопросах религии! Самое страшное, мама, что нас освободили от самого понятия греха и покаяния. И мы брели по жизни слепцами! Жили неправильно, потому что несправедливо. Подражали ложным богам. Но этого не признавали. Отсюда шли, согласись, наши беды, заблуждения, неудачи... Помню как ты мне, уже человеку, пожившему на белом свете, задавала, недоумевая, вопросы: почему многие несчастливы, почему в стране дела идут вкривь и вкось? Я пытался отвечать, но сам понимал, что истинных ответов не знаю... Хотя уже стал их мучительно искать...

Вы с папой, как и все советские педагоги, учили подрастающее поколение, а значит, и своих детей, быть верными идеям, царившим в нашем обществе. Однако помню, что в семье, да и в школе нас не только воспитывали «быть преданными делу партии Ленина-Сталина», но и хотели нас видеть честными и порядочными, учили послушанию, скромности, трудолюбию, нестяжательству... То есть добродетелям, что, как я позже понял, имели истоком Божьи заповеди. Как это потом пригодилось в жизни тем из нас, кто старался им следовать! А мне помогло выйти после десятилетий блужданий на дорогу к Храму. Но вы, родные, не дождалась этого времени...

Думаю, ты, мама, согласишься, что на многое в нашей духовной семейной жизни повлияла жившая с нами папина мама, моя любимая бабушка. Ее ты очень уважала. Этот удивительный человек, которого просто переполняли любовь, доброта и смирение, хранила на дне сундука иконку, кусочек ладана и нателный крестик. Просила сына, когда умрет, зажечь ладан, а иконку с крестиком положить в гроб. Благодаря ей мы еще и до войны, во время и после нее каждый год отмечали всей семьей Пасху. Слушали и запоминали разные народные выражения, в которых упоминался Бог. Не залетали ли уже тогда в наш отчий дом Ангелы и парили над нашими головами?

Когда мне исполнилось пятнадцать, ты подарила мне, к моему большому удивлению, роман Льва Толстого «Воскресение». Может быть, понимала, что твоего сына начинали волновать нравственные вопросы, особенно касающиеся взаимоотношения полов. Как меня, помню, поразили эпиграфы к роману – подлинные цитаты из Евангелия: о важности прощения; о том, что так часто мы видим сучок в глазу другого, а в своем и бревна не замечаем; что ученик не бывает выше своего учителя, но статья, как его учитель, может всякий, усовершенствоваться. Так, может быть, сама не сознавая, ты направила мои стопы туда, куда через много лет я пришел. Спасибо тебе!

Очень жаль, что мы в семье не вели разговоров о вере и неверии, о значении православия и церкви в истории России... Но не поворачивается язык обвинять вас в этом. Вы берегли нас, потому что знали: «лишнее болтать – на себя и родных беду накликают». Однако и делая из нас «воинствующих безбожников» не было у вас желания.

При встрече с тобой, милая мамочка, мне еще о многом-многом надо будет тебе рассказать: жизнь ведь прой-

дена большая... Сейчас лишь о главном. К православию я шел через духовную пищу – классическую литературу, искусство... Ведь в хороших книгах, к чтению которых меня еще с детства приучали, в живописи и музыке великих мастеров столько было мне откровений! Лишь два примера. Ты, может быть, помнишь, как я выучил пушкинского «Пророка», как, приезжая в отчий дом, рассказывал, какое громадное впечатление произвел на меня фильм Андрея Тарковского «Андрей Рублев»...

Всюду, где бывал – и у нас, и за рубежом, – меня тянуло в музеи. Подолгу простаивал перед картинами, скульптурами, созданными большими мастерами на библейские сюжеты. Да и читая книги о жизни творцов прекрасного, ученых и философов, узнавал, что они были людьми глубоко верующими. Так что можно сказать: через Культуру с большой буквы я сначала подсознательно, а позднее яснее и яснее стал понимать, что все в нашей жизни имеет Божественное начало.

Ты знала, что мне за долгую жизнь много раз, как говорится, везло. Но чем больше я думал над причинами этого, тем сильнее убеждался, что тут без Божьей помощи не обошлось. Да, я следовал любимой папиной поговорке: «На Бога надейся, но сам не плошай!». Но ведь Бог и помогал мне, грешному, когда я не плошал!

Признаюсь, я «переболел», как в детстве корью, увлечением «толстовством». Но меня излечил пример моих других кумиров. Вот любимый всеми в нашей семье Чехов был же одно время «толстовцем», но потом возвратился к настоящей православной вере. Открыли на многое глаза и статьи о неверном понимании Православия, в том числе в журнале «Лампада». Письмо к тебе решил послать в это издание: пусть прочитают его и другие, кто, подобно мне, искал и еще ищут путь к Истине и Вере. Со сколькими замечательными верующими людьми, их мудрыми мыслями познакомила меня «Лампада»! Ах, как жаль, что подобного журнала, как и другой православной литературы и таких проникновенных, мудрых и злободневных проповедей, какие слушаю по телевидению из уст Патриарха Кирилла, не было в вашей с папой жизни, в нашей молодости.

Возвращаясь с горных высот на грешную землю, я все яснее понимал: пора отринуть прежнее, привитое мне коммунистическими идеологами мировоззрение. Понял наконец-то, что оно было построено на песке и его лозунги были мильными пузырями, хотя и красиво пе-

реливались на солнце. Поэтому с прежней «верой» расставался без особого сожаления.

Однако понимал, что жизнь без стержня, без опоры теряет всякий смысл. Но вот она, новая опора, совсем рядом! Однако уже сознавал: чтобы взойти на нее, надо еще многое узнать и понять. Стал читать Библию. Признаюсь, что Ветхий Завет дался мне с трудом... В Евангелии тоже не сразу все понял. Но, перечитывая эту Великую книгу, постепенно стал постигать притчи Иисуса Христа, Его советы, пророчества... Теперь из этого Святого Родника пью ежедневно.

И вот созрело решение, что пора, коли уже подошел к Храму, сделать последний шаг – в него войти. Или погибну в лапах диавола. Может быть, я бы и еще медлил, но в последнее время стали так бессовестно нападать на Русскую Православную Церковь нравственные уроды, – других слов не найду, – что я понял: ждать больше нельзя. Чуть перефразируя Анну Ахматову, решил быть там, где мой православный народ был.

Я сделал такой шаг. Очень благодарен служителям храма, где принял Таинство Крещения, за то, что помогли мне подготовиться к нему, что нашел у них понимание и поддержку.

Я еще плохой христианин, дорогая моя родительница. Но буду идти до конца земной жизни по избранному пути, стремясь всеми оставшимися во мне силами ничем не запятнать крестик, что ношу недалеко от сердца. Да поможет мне Святая Троица – Бог Отец, Бог Сын и Бог Дух Святой.

До свидания, родная моя мама!

Сын твой Борис.

Март 2013 года

От редакции. Если кто-то захочет откликнуться на это исповедальное письмо, напишите нам в редакцию с припиской на конверте: Для Бориса Сумашедова.

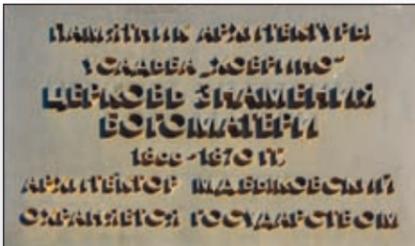
СКРЕПЫ

Вот три главных правила: бойся Господа, молись непрестанно и делай добро ближнему.

Авва Пимен

Слышен звон...

Когда и где прозвучал первый удар первого колокола, созывая верующих на богослужение? В христианской традиции это связано с именем святителя Павлина Милостивого, епископа Ноланского (память 23 января/5 февраля). По преданию, возвращаясь однажды с обхода своей епархии, владыка прилеж отдохнуть на цветущем лугу, и во сне ему приснились ангелы, раскачивающие чудесные полевые цветы-колокольчики, которые издавали мелодичный звук. Вернувшись домой, святитель заказал несколько колоколов тюльпанообразной формы, которые оказались весьма удачными и скоро начали использоваться в храмах. С тех пор вот уже пятнадцать с лишним веков плывут над землей колокольные звоны, созывая христиан на молитву во славу Божию.

На Руси звон колокола не только оповещает о начале богослужения. В конце концов, для этого достаточно и куска рельсы или доски с колотушкой, чем, кстати, обходятся иные храмы и по сей день. Искусство колокольного звона – это в России именно искусство, творчество. Вспомним хотя бы «Страсти по Андрею» великого Тарковского и одну из новелл этого фильма – «Колокол» с блестящим молодым Бурляевым в главной роли.

Мастерство звонарей всегда высоко ценилось. Звонарем мог стать любой православный христианин, имеющий чувство ритма. Но, разумеется, при условии грамотно оборудованной звонницы, что тоже представляет собой немалое искусство.

В русских храмах и монастырях всегда стремились отлить большой колокол, для того чтобы прославить Господа Бога величавым и торжественным звоном, разнести звон на большее расстояние.

До недавнего времени звонарское мастерство передавалось от учителя к ученику. До революции школ звонарей не было. В годы гонений на Церковь храмы и колокольни были разрушены, много колоколов уничтожено. Преемственность звонарей – нарушена.

Новейшую историю колокольного звона в нашей стране можно проследить на судьбе московского храма

иконы Божией Матери «Знамение» в Ховрине. Колокольня церкви состоит из четырех каменных башен, в которых размещаются разновеликие колокола от шести килограммов до пяти тонн. Построенные еще до революции башни-колокольни в советское время были разрушены, а старинные колокола – отправлены на переплавку. Лишь к концу 90-х годов XX века трудами настоятеля о. Георгия Полозова и прихожан храма началось восстановление фасадов храма. По сохранившимся чертежам и историческим фотографиям были воссозданы и увенчаны крестами четыре новые колокольни.

Пятикупольный Знаменский храм был построен по проекту М.Д. Быковского. Прообразом для колокольни послужил знаменитый храм Христа Спасителя, где колокола размещены во всех башнях. Архитектор запланировал такую возможность еще в XIX веке, но осуществить проект помешала революция. К тому времени колокола находились только в одной башне, а вес самого большого колокола составлял около 200 килограммов.

В Русской храмовой архитектуре пятикупольные храмы не редкость. Центральный – символизирует Христа Спасителя, а четыре малых – евангелистов. Чаще всего колокола размеща-

ются в юго-западной башенке, реже на двух – северо-западной и юго-западной (храм иконы Божьей Матери «Утоли моя печали» в Марьине, храм Покрова Пресвятой Богородицы в Ясеневе), и совсем редко на трех (Храм на Крови г. Екатеринбург, храм иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» г. Десногорска).

Уникальна система развески колоколов на колокольнях храма Христа Спасителя и Знаменского храма в Ховрине. Но если в храме Христа Спасителя для управления всем колокольным набором необходимо одновременно не менее шести звонарей, то в Знаменском храме в Ховрине всеми колоколами управляет всего один звонарь.

Эту необычную схему управления разработал известный мастер колокольного звона Илья Михайлович Дроздыхин в 2006 году. Тогда же с помощью благотворителей началось обновление колокольного набора. По специальному заказу для колокольни храма иконы Божией Матери «Знамение» были изготовлены первые восемь бронзовых колоколов – три зазвонных, четыре подзвонных и один благовестник весом 1 200 килограммов. Колокола были освящены и установлены в декабре 2006 года в преддверии престольного праздника. Подъемом, установкой и на-

мов, который был установлен в северо-западной башне-колокольне.

Самый большой колокол весом пять тонн был отлит в 2010 году на пожертвования боголюбивых прихожан и занял почетное место в юго-восточной башне. Установка колокола-великана требовала тщательной подготовки: была установлена крестовина для подвеса колокола, разобрана часть кладки, сооружена выносная площадка. По окончании чина освящения кампана, при большом стечении прихожан, при помощи подъемного крана колокол был водружен на колокольню. Специалисты мастерской Ильи Дроздыхина профессионально справились с поставленной задачей по монтажу и настройке колокола, и уже вечером того же дня большой ховринский благовестник запел.

Сейчас на колокольне Знаменского храма в Ховрине несут послушание звонари – выпускники Московской школы звонарей. Колокольный звон сопровождает каждое богослужение, как это предписывает Устав Русской Православной Церкви. На ховринских колоколах проходят практику будущие звонари московских церквей. Ежегодно, во дни Светлой седмицы, для прихожан храма проходит концерт колокольных звонов в исполнении руководителя Московской школы звонарей Ильи Дроздыхина.

Сейчас на колокольне Знаменского храма в Ховрине несут послушание звонари – выпускники Московской школы звонарей. Колокольный звон сопровождает каждое богослужение, как это предписывает Устав Русской Православной Церкви. На ховринских колоколах проходят практику будущие звонари московских церквей. Ежегодно, во дни Светлой седмицы, для прихожан храма проходит концерт колокольных звонов в исполнении руководителя Московской школы звонарей Ильи Дроздыхина.

В 2007 году колокольня храма дополнилась колоколом в 2 700 килограм-

Бытует мнение, что звонарь – это сугубо мужская профессия, требующая серьезной физической подготовки, но это не совсем так. При правильном обустройстве колокольни и подвески колоколов даже хрупкие женщины и девушки могут успешно справляться со всем колокольным набором.

В год школа обучает более 100 человек, немало среди выпускников Школы и женщин-звонарей, продолжателей традиции русских монастырей.

Московская школа церковных звонарей Ильи Дроздыхина

ОБЪЯВЛЯЕТ
НАБОР УЧАЩИХСЯ

Школа открыта для всех. Возраст не ограничен. Обучение теории и практические занятия проводят профессиональные звонари с большим опытом преподавания

ПРОГРАММА ОБУЧЕНИЯ

1. Теоретические занятия
2. Практические занятия с преподавателями
3. Посещение звонниц храмов и монастырей

После окончания учебы выпускникам выдается

ДИПЛОМ ШКОЛЫ
ЦЕРКОВНЫХ ЗВОНАРЕЙ

СРОК ОБУЧЕНИЯ 2 месяца (начало нового курса – ежемесячно)

АДРЕС: г. Москва, Каширское шоссе, 59-4, храм Николая Чудотворца в Сабурове

ПРОЕЗД: ст. м. Каширская, первый вагон из центра, далее на любом автобусе или троллейбусе до остановки «Сабурово»

Запись по телефонам:
8 (916) 442-64-22,
8 (495) 399-1768

Собравшийся с духом

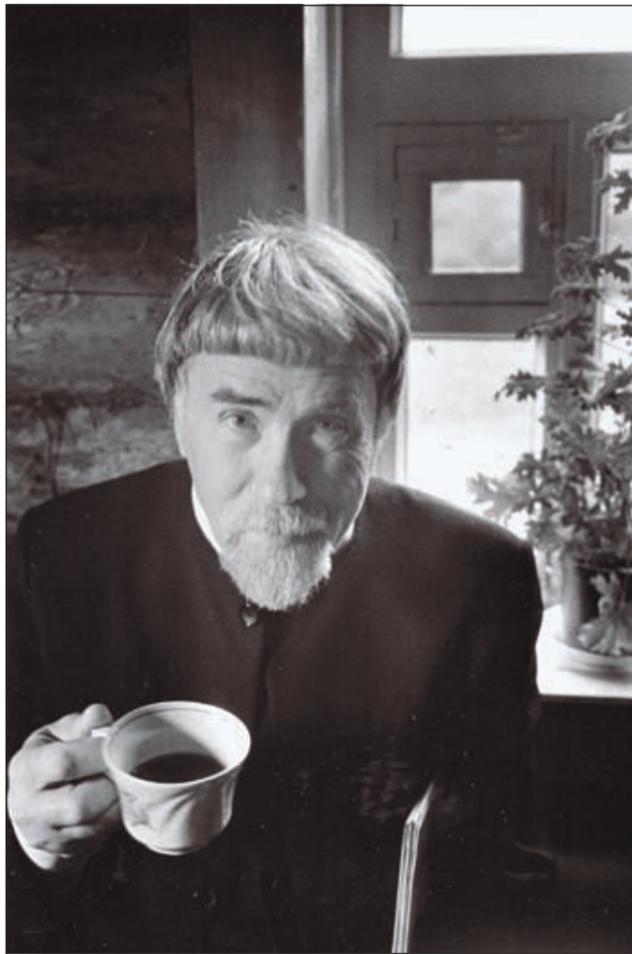
К чему может располагать такое детство: сырой дедов погреб под Ульяновском, где жила семья, потом школьные годы в закопченном уральском городке Чусовой, среди обездоленных войной людей? Психологи скажут: из такого детства люди выходят с ранней обидой на весь белый свет, с «комплексными» и «депрессивным восприятием» жизни, с полной неспособностью подняться куда-либо на «социальном лифте»...

Но психологи забывают о ключевом историческом моменте: о Победе сорок пятого года. Отблеск ее был в глазах у всех послевоенных мальчишек. И потому, вопреки неважным «стартовым условиям» и физической хилости, многие из них стали гордостью и опорой державы.

И еще: была в дедовом погребе чудесная дверца – невидимая, но спасительная (как за нарисованным очагом у папы Карло). Называлась эта дверца – *вера*. Впрочем, о вере не говорили. Но жили, дышали – *веруя*. Просто не умели иначе. Валентин Яковлевич вспоминает: «Жили под неустанную дедову молитву».

Вот откуда явился к нам светлый и мудрый человек, полный любви и внимания к Родине, к друзьям, к людям ближним и дальним, человек какого-то удивительно радостного дыхания и невероятной красоты горячего русского слога, который давно утрачен не только в нашем устном обиходе, но и в письменности.

Кому-то советская жизнь, может, и помешала найти себя, но Курбатову она помогла выстроить *такой* характер, *такую* судьбу. «Пионерство с зашитым в кармане куртки крестиком», долгая служба на Северном флоте (где

Фотография Павла Кривцова

Жизнь – это сбывшееся слово.
В. Курбатов. «От слова до Слова». 1993 г.

недокормленный в отрочестве Валя прибавил аж шестнадцать сантиметров роста!), чулочная фабрика, киноведческий факультет ВГИКа, работа в комсомольской «молодежке», скитания по стране, горячие увлечения...

Но что-то всегда возвращало его сердце домой, к лампаде в дедовой землянке. «Со страхом Божиим и верою приступите...»

Обычно Валентина Яковлевича представляют литературным критиком (и сам он со смирением себя так называет, добавляя: «провинциальный»), но каждый, кто читал его книги, кто имел счастье слышать его выступле-

ния, понимает, что такое представление не полно, не точно и вообще «не о том». Тем более что у нас под критикой понимают разбор – а то и разнос! – произведения, уязвление его недостатков и ниспровержение автора. К Валентину Курбатову это мрачное ремесло не имеет никакого отношения.

Да, он автор глубоких исследований творчества М. Пришвина, В. Астафьева, В. Распутина и других писателей, но суть этих работ вовсе не анализ, не разъяснение произведений на составные части, а попытка понять художника в целостности созданного им мира, понять судьбу писателя в связи с судьбой Отечества.

Главный предмет курбатовских размышлений – это то, что в XIX веке называлось «нравственной историей». В литературе, искусстве, театре, кино и общественной мысли Валентин Яковлевич ищет прежде всего нравственный камертон. Там, где этот камертон гложет или выброшен из текста за ненуж-

ностью, – там для Курбатова заканчивается и отечественная культура.

Он, как мало кто сегодня, остро чувствует эти расшатанные границы между добром и злом, светом и тьмой. Нет, Валентин Яковлевич никого не обличает и не пытается «загнать в рамки», подвергнуть цензуре; он лишь с печалью обходит поле русской словесности, поднимая и поправляя поваленные лихачами изгороди, за которыми начинаются бездорожье и топи.

Помните, как девушка Валентина в незабвенной вампиловской пьесе «Прошлым летом в Чулимске» каждый день поправляла палисадник у чайной?

Валентине говорили: «Опять ты с палисадником? Не надоело тебе?.. Ходит народ поперек и будет ходить». А она будто не слышит – поправляет, и все.

Как рифмуется с порывом этой кроткой девушкой тихий труд в нашей словесности Валентина Яковлевича Курбатова. Вот уже много лет он, терпя поношения и справа и слева, пытается хоть на живую нитку скрепить бесстыдно разорванное политическими сварями культурное пространство, напомнить о «воспитательной ясности» русской литературы, вернуть собратьев по перу хоть мыслью на Родину, к тому, что красиво называлось когда-то «народными чаяниями».

Валентин и Валентина. Чусовой и Чулимск...

Курбатов подносит книгу не к глазам, а к сердцу, и этим отличается от многих своих коллег по «критическому цеху». Его предмет – не литература как таковая, не изгибы стили и не метаморфозы «измов», а духовно-нравственные искания. История русской мысли и чувства в трагической связке дореволюционного и советского.

Вот что пишет Курбатов о призвании русского писателя в поминальной статье о Викторе Астафьеве: «Писательство – это ведь не текст на бумаге, а сначала страдающее сердце. Всегда, видно, подлинная, единственно стоящая этого имени русская литература будет рождаться из памяти о смерти и из сопротивления ей...». А вот из другой статьи о русской литературе: «Писатель по существу не был писателем, если не носил в себе полноты Родины».

Свято дорожа узами товарищества, Курбатов чурается учительства. Он всегда смотрит на себя с грустной иронией, видя в себе только чусовского парнишку и ничего более. Валентин Яковлевич любит людей больше, чем слова, и это помогает ему быть терпимым и снисходительным к человеческим слабостям.

Помню, я послал ему в Псков бандероль с ворохом бумаг. Это были мои первые опыты в прозе. Очевидно, я мог бы найти кого-то и в Москве. Но те мои робкие рассказы были исключительно о детстве, о первой любви, и показать такие вещи я мог только кому-то очень близкому. После долгих размышлений я решил, что из

всех «литературных людей» могу довериться только Валентину Яковлевичу (а ведь в ту пору мы еще ни разу не встречались!). Он увидел в том ворохе бумаг книгу, и через два года она вышла с его предисловием.

Ему никогда не приходило в голову сбивать молодых в *свою* команду, но не счесть, скольким начинающим литераторам (в том числе и автору этих строк) Валентин Яковлевич помог удержаться от соблазна броситься протоптанными путями за мишурными целями, дал возможность увидеть свою тропинку в зарослях чертополоха и борщевика.

В Москве Курбатов всегда в гостях, в провинции он всегда дома. Наверное, поэтому его всегда так ждут в Перми и Туле, Вятке и Красноярске, Ярославле и Вологде...

Сейчас пересмотрел все книги Валентина Яковлевича, которые есть у меня, и обнаружил, что из девяти семь издано в Иркутске, две – во Пскове. В столице – ни одной. Что это? Слепота издателей, не ведающих, что у МКАДа русская культура не заканчивается? Или наша общенародная неспособность вовремя оценить свое, родное?

Не торопится записывать Валентина Курбатова и канал «Культура». Бывает, дернут по какому-то сиюминутному поводу, попросят комментарий, а так, чтобы записать его размышления о жизни, о России, о Церкви, о литературе, о живописи, о кино, о тех великих людях, с кем его свел Господь, – до этого почему-то пока не додумались. А ведь один только слог Валентина Яковлевича – это уже красота и радость!

Мало кому сейчас дана такая способность *внимать*, слышать. А ведь как драгоценна эта способность в наш оглохший век, когда все мы, наученные телевизионными ток-шоу, торопимся выкрикнуть свою правду, и порой не только выкрикнуть, но и задавить этой правдой ближнего, чтобы он более и не пикнул.

На разных дружеских собраниях я много видел молчащего Курбатова: вот, склонив голову, он сосредоточенно вслушивается в собеседника, в сказанное и недоговоренное. От одного его присутствия обстановка становится умнее и достойнее, пафос и агрессия уступают место размышлению

КНИГИ
ВАЛЕНТИНА КУРБАТОВА:

Крест бесконечный. В. Астафьев – В. Курбатов: *Письма из глубины России.* – Иркутск: Издатель Сапронов, 2002.

Перед вечером, или Жизнь на полях. – Псков, 2003

Подорожник: встречи в пути, или Нечаянная история литературы в автографах попутчиков. – Иркутск: Издатель Сапронов, 2004.

Уходящие острова. А. Борщаговский – В. Курбатов: *Эпистолярные беседы в контексте времени и судьбы.* – Иркутск: Издатель Сапронов, 2005.

Наше небесное Отечество. Записки православного путешественника. – Иркутск: Издатель Сапронов, 2007.

Долги наши. Валентин Распутин: *чтение сквозь годы.* – Иркутск: Издатель Сапронов, 2007.

Юрий Селиверстов: портрет на фоне времени. – Иркутск: Издатель Сапронов, 2008.

Нечаянный портрет. Время в зеркале одного дневника. – Иркутск: Издатель Сапронов, 2009.

Бегущая строка. Дневник провинциального литературного критика. – Псков, 2012.

и сочувствию. Рядом с ним неловко говорить не о главном, глаголать что-то звонко-пустое. И сам он страшно волнуется, когда надо обратиться к людям, всякий раз заново нащупывая нерв и боль *этого* дня, *этого* часа, *этой* минуты.

Для него выражение «собраться с духом», стершееся за давностью, имеет первозданную свежесть и насущность сегодняшней задачи: *как нашей литературе самой собраться с духом, а потом и народ собрать.* Вы думаете, что это слишком смелая, почти безумная для наших дней идея? Но Курбатов, я знаю, не отступится. Да будет ему по вере его.

Предлагаем вашему вниманию отрывки из новой книги Валентина Курбатова «Бегущая строка. Дневник провинциального литературного критика».

15 июля 1980 года

Давно хотел записать, как на Введение внезапно был поражен лицами старух, идущих от причастия. Одно лицо краше, покойнее, печально-сосредоточеннее другого. На каждом так легко читалась судьба, полная лишений, преображенных Господом и смирением в свет. Взгляд их был еще там, в Тайной вечере, и они не видели других молящихся и были впрямь отделены от них таинством. Не знаю, смогла бы схватить это сосредоточенное со-причастие жертвенной свободе кинокамера, но когда бы смогла, то лучшего портрета русской матери снять было бы нельзя.

9 января 1985 года

Прочитал рассказ Василия Белова «Такая война» и вот подумал, что, если глядеть по нашей лучшей литературе, то воевали одни городские ребята (даже и те, что из деревни скоро становились «городскими»). Война выравнивала. Даже, наверное, уместнее будет сказать, что воевали «военные». А это уже не нация, не сословие, не крестьяне, не горожане, а качественно новый род людей, который плохо потом приживался и в городе, и в селе. А ждали их с войны «деревенские», земные женщины, невесты и матери. И они разошлись друг от друга на столетие.

Да и опять не на время надо мерить, а на жизнь и безжизние. Ждали живые, исторические земные, родные земле, могилам и будущему, а воевали сегодняшние, без времени позади и впереди (это так и надо, чтобы выжить и победить) и словно никак уже с этими деревенскими не связанные. Словно они разным народам и временам принадлежали, и у них была разная война. Повторяю, я говорю не о реальности, а о ее отражении в прозе. Но чувствую, что отражение тут верно.

Возвращаются с войны другие люди. Как вон у Виктора Петровича в «Пире после победы» разве вернулся тот же Витька Потылицын, к которому мы привыкли в «Последнем поклоне»? И что-то не помню книги, где бы человек вернулся с войны и начинал жить прежним бытом и вдруг видел, что у

него не выходит. Косвенно-то сколько угодно, а вот чтобы именно это увидеть, что человек с войны не возвращается. Что прямо с порога по-старому не заживешь. Нужно, как при кессонной болезни у водолазов, «поднимать» человека потихоньку, с остановками. А, может, написали бы писатели это со всей горькой прямоотой, постарались бы понять, и человечество поняло бы, что война не часть жизни и не имеет права на существование, что она уже не заживает.

11 апреля 1989 года, Москва

С утра с моим крестником писателем Виталием Павловым поехали к Юрию Ивановичу. Виталий растерян – не знает, куда преклонить голову, вполне видит потерянность театра, разделяя его на театр-государство (Маяковский), театр-малину (Таганка) и театр-театр (этот, кажется, есть сейчас только на Западе – у Брука, Дзеффирелли и т.д., у нас был накоротке только у Васильева). Юрий Иванович уводит Виталия в кабинет и, пока я говорю по телефону с Союзом, успевает увлечь его десятком идей, так что, когда мы через полчаса расстаетесь, Виталий уходит на цыпочках, боясь расплескать услышанное. Заезжаем на минуту в «Молодую гвардию» с идеей Юры написать о его работе для новой, выходящей в этом издательстве серии.

Потом – долгий вечер в ИМЛИ. Палиевский предлагает мне «войти в комиссию по наследию Розанова, потому что нужна комиссия не только из наших привычных москвичей, но и из тех, кто в стране действительно...».

Юра с ходу: «Это запомним: Курбатов, который действительно...» Три часа сидим на докладе и в прениях: «Пушкин и христианство». Палиевский тонок, ироничен, умен, но в своем исследовании не простирается далее итоговой мысли: «Пушкин – это христианин, который более всего готов к общению с атеистом. Пушкин – это атеист, который более всего готов к общению с христианином» (или готов к пониманию). В прениях более всего обсуждается вопрос о поэзии и христианстве (надобен ли поэту Бог или он

сам есть творец, и как это совместить, затем что «ветру и орлу, и сердцу девы нет закона». Так и поэту).

14 ноября 1989 года

Ехал с монахами Псково-Печерского монастыря на вечер «Негасимая лампада» в Доме архитектора, посвященный монастырю. Приходил игумен отец Тихон читать свой труд, который он собирался огласить, и побаивался. Благочинный отец Александр успокаивал его, что надо попроще. Посмеивался, что и сам не знает, зачем едет.

– Я ведь окончил до войны только пять классов. Потом было не до того, надо было хлеб зарабатывать. Попробовал после войны в шестой – ничего не вышло. Это уж потом были семинария, академия. Но я это не считаю.

Игумен отец Таврион посмеивается: «Конечно, что же их считать: пять классов, они и есть пять классов».

Перед началом понервничали, но вечер повел наместник архимандрит Павел, и повел хорошо, и все успокоились. Замечательно говорил об истории монастыря его библиотекарь отец Таврион. С подлинно монашеским простодушием комментировал в слайдах портреты старцев отец Александр. Показали в записи одну из проповедей отца Иоанна Крестьянкина. Все поднялось на такую высоту, что мне и выходить сделалось страшно. Но, слава богу, все обошлось.

Посмотрели еще немецкий фильм «Россия под крестом». Оттуда запомнилась одна чудесная деталь, как в Троицкой лавре перед второй переменной блюд «дежурный» встает (и вся братия)

и говорит: «Молитвами отец наших Стефана Пермского и Сергия Радонежского, Господи, помилуй нас!» Отчего же именно их молитвами? А оттого, что Стефан Пермский очень торопился по своим делам в Москву и, проезжая мимо обители отца Сергия, обратился к нему душой: «Прости, отче Сергие. Я очень хотел повидать братию и тебя, но дела зовут скорее. Прими мое благословение и прости!» И в этот час отец Сергей встал за трапезой: «Братие! Преосвященный Стефан едет мимо и не может навестить нас. Примите его благословение!»

Скептики (а они и тогда были – как без них) не поверили и кинулись в погоню. Настигли Стефана уже под Москвой и, услышав подтверждение, пали ниц. С той поры по монастырям это повторяется как урок любви и братской памяти, молитвенной собранности и прозорливости.

Вечером позвонил Савва, ругал монастырский вечер за то, что не был на нем. И слышна была искренняя ревность, потому что он знал и любил монастырь при наместнике архимандрите Алипии и мог хорошо рассказать об этом.

4 сентября 1990 года

К вечеру иду к Крупину, Он только вернулся из Тамани от Лихоносова, еще полон рассказов о море, о ежедневном купании, об ужасе с утра (неужели опять надо идти купаться?), о лени Лихоносова, который с утра строит сто планов, но сам же и не торопится их выполнять. И находит сто поводов просто посидеть в саду за воспоминаниями, которые он начинает тою же фразой, что все его герои: «Теперь Тамань уже не та», и слезы текут по его щекам.

– Очень хочется написать обо всем этом, Но как после Лермонтова, после самого Лихоносова? Но уже чувствую, что напишу, потому что придумал фразу, которую жалко оставлять неиспользованной, – именно о том, что нельзя писать Тамань после Лермонтова и после Лихоносова, о котором мне двое говорили, что видели его, а один даже врал, что разговаривал. Я думаю, Вите это понравится. И как не начать фразой «Теперь Тамань уже не та...»

Вспоминает открытие клыковского памятника Елизавете Федоровне и речи

патриарха Алексия и Никиты Ильича, который на тридцать минут ушел в любимую Евразию и позабыл, где стоит, Потом был бал в ЦДРИ, где в каждой нише сидело по еврей, и оркестр нянчил «Семь сорок», пока молдаванин Васильев из Славянского фонда (современный Тит Титыч от славянской культуры) не купил его до конца вечера, и тот играл «Степь да степь» и через раз – «Боже, царя храни».

1 апреля 1992 года

Приходил о. Владимир Попов. Вот русские попы – ничего их не берет. Арий вот ему покоя не дает.

– Сiju, читаю по-еврейски Библию. И вот нахожу, значит, что в Библии только три раза встречается глагол «бера» – рожать. Когда Бог создал свет в первый день, именно родил, когда создал («родил») Человека и когда родил Сына. Во всех остальных случаях стоит глагол «асса» – сделал, смастерил, построил. Так вот первый-то раз – это создание света. Какой Свет родил Бог – тварный или нетварный. Просится – нетварный, и значит это Христос. Но тогда значит, Христос тварен и Арий прав. И это уже не Троица, а Двоица мира: Тварь – Твердь – двор – дверь – все, что отделено, раздвоено.

И замечательно говорит, что в Библии все единично, личностно – нет общих понятий, нет философии и потому, когда захочешь подняться до постижения первооснов мира, неизбежно придешь к Библии, к Свету, который превыше знания, или как говорил Симеон новый Богослов «не знание есть свет», но «Свет – есть единственное настоящее знание». Это удивительное прозрение.

И похвалился своей проповедью на Воскрешение Лазаря.

– Это мой любимый праздник. Ведь Лазарь – это Россия, тогда как Мария и Марфа – католицизм и протестантизм. Мы сейчас почти четверодневны, но Христос близок. Помните, как об Илье сказано в Каноне: Ты тяжел для Израиля. Уходи, чтобы мог прийти искупительный сын. И приходит второй Илья – Христос. И в свой час обретает друга Лазаря – альтер эго, другое «я». И Христос говорит: Встань, Лазарь, а я лягу вместо тебя. Ибо надо умереть, но Он – Бог, и он не может умереть

за себя, а должен за другого, за друга. Цепь жертв, как цепь примеров человеку в неустанное назидание.

22 августа 2008 года

«Слово стало плотью» и молодые поэты ищут в хоре слов тишину молчания, пробиваются к начальному звуку, к тайне первого имени. Раньше пробивались к Богу и тайне через жизнь, через человека и повседневность; сегодня – через слово. Слово заменило небо, травы и облака, страдание и отчаяние, веселье и счастье. Все приходит сразу одетое в слово. Родина стала словесна, облеклась в ризу слова. Веками – от «Слова о погибели» и «Слова Даниила Заточника» через протопоп (вот «профессия», ставшая именем, – ведь даже не надо говорить, кто это: протопоп – и все) и Державина, Пушкина и Тютчева Россия ткала себе покров слова.

Может, так и другие государства. И эта одежда слов и была их отличием, их повадкой, их лицом перед миром – в Рембо и Верлене, Золя и Флобере для Франции, в Сервантесе, Лорке и Хименесе для Испании и т.д. Только они жили ровнее и вырастали последовательнее и скорее очерчивались уже из-за молодости пространств. Но вот и мы понемногу накопили свое слово. И поэт выходит не в поле, а на чужую страницу, которая для него не «текст» а та же Родина, и строит свой мир из целых гнезд чужих строк, как Мандельштам сказал про Анненского – «весь из чужих досок, но корабль – свой». Вот и они. Пока мир был жив и ярок, они брали слово из него. Когда мир померк, а слово засветилось, они стали брать в слово. Это не от бедности. Это естественно и у них органично, ибо мы только-только созрели (мы – читатели) до восприятия текста как мира.

Поэт уже не будет «скакать по холмам задремавшей Отчизны», не будет искать чистоты «перед этим строгим сельсоветом, перед этим стадом у моста».

Авторитет жизни надорван. Она оказалась унижена политической игрой, слишком безответственной переменной системы координат. А слово удержалось и его можно поднять из пыли, отереть и оно вспыхнет новизной, силой, жизнью. «И жизнь возвратится ко мне».

Наталья Кривуля

Тайны души и чувства, увековеченные на пленке

В отечественной анимации об этом мастере говорят, что он «наше все». Режиссер Юрий Борисович Норштейн уже при жизни стал классиком, удостоен всевозможных званий и вошел в анналы мирового кино. О нем и его творчестве сняты фильмы, написаны книги и десятки статей.

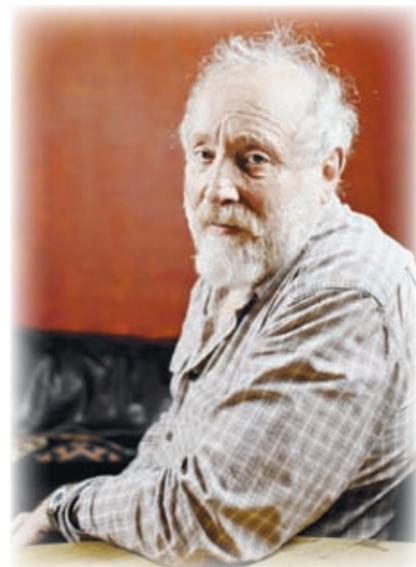
В качестве аниматора он работал на сорока с лишним фильмах. А экранных работ у него всего восемь. Но каждая – маленький шедевр, без которого сложно представить искусство анимации.

Все его фильмы, будь то сказки или эпические фрески, представляют притчевое направление в нашей анимации и полны библейских смыслов. В их сюжетах фантазия, оттолкнувшись от реальности, превращается в поэтическую речь. Они создают некое единое пространство не только благодаря авторскому стилю, но, объединенные одной темой, получают вариативное звучание.

Каждый, кто хоть раз видел эти работы, невольно возвращается к ним, пересматривает при возможности, цитирует созданные мастером образы. Его фильмы не только глубоки по смыслу – в них есть то, что невозможно пересказать, что остается за пределами любого анализа. Будучи очень личностными, или, как говорят в профессиональной среде, – авторскими, они содержат исповедальные интонации и представляют форму экранного откровения. В линиях, пятнах, штрихах, мерцающих фактурах Норштейн воплощает свое видение мира. Видение, в котором соединяются чистота детского впечатления и уплотненный в экранной материи дух. За внешними образами скрыто нечто глубинное и таинственное, заставляющее обращаться к вечным вопросам. Филь-

мы Норштейна наполнены духовными смыслами. В пространстве его картин соединяются несоединимые ситуации, метафизическое и реальное, рациональное и чувственное, образы прошлого и настоящего, личные переживания и события коллективной истории. Вся их ткань пронизана духовными силовыми полями. В его лентах невидимая энергия духа делается видимой, материализуется в движущихся образах. Нечто подобное описывал отец Павел Флоренский, говоря об иконе в своей работе «Иконостас». В ней сквозь материальную суть струится духовная сущность. С этих позиций фильмы Норштейна близки к тому, о чем размышлял философ. Сквозь их материальную ткань, состоящую из линий и красок и одушевленную светом кинопроектора, проявляется духовное, делается видимым проступающий сквозь «ожившие» рисунки духовный огонь. Зритель начинает ощущать «божественные токи», исходящие от изображения.

Благодаря воспринимаемому экранному образу человек становится сопричастен тайне, которую воспринимает не глазами, а внутренним взором, устремленным за пределы изображаемых событий. Экранный образ норштейновских лент, подобно иконе, погасившей в себе страсти бытия, неторопливо открывает путь к внеземному идеалу. Устремленность к нему вселяет гармонию в души.

Создавая свои ленты, Ю. Норштейн считает: «Художник просто по роду своей работы не может быть атеистом. Всегда есть что-то, что не можешь сформулировать, но ощущаешь как невероятно глубокую силу. И идешь в эту сторону, поскольку другая – прямоком в черноту, и смысла там не найти». Само творчество, как созидание, не может быть жизненным без Божественного начала. Фильм создается не только мастерством, умением выстроить кадр, подобрать нужные краски, музыку, найти верные ракурсы. Норштейн уверен: «Есть что-то божественное в том, как создается кинокадр». Фильм не может состояться без энергии, и это не только творческая энергия людей, занятых в производстве; по словам мастера, природа этой энергии рождается «божественными токами», она имеет духовное начало. Если эта энергия переходит в пространство фильма, каким-то образом фиксируется пленкой и излучается при ее проекции на зрителя, то значит весь тот ужас работы, который испытывает он в процессе создания фильма, не напрасен.

Успокоение и уверенность не могут быть благодатной почвой для творчества. Только лишь внутреннее немислимое перенапряжение, постоянный поиск истины, постоянные сомнения, не дающие удовлетворения, непрерывный монолог из молитв, а порой и словесного непотребства, порождают то простран-

ство, где проскакивает божественная искра, когда ощущаешь в процессе работы то, что называется Богооткровением.

Приход Норштейна в анимацию был, без сомнения, определен свыше. Хотя сам он говорит, что это чистая случайность. Занимаясь в художественной школе, он мечтал о туго натянутых на подрамники, словно барабаны, холстах, об аромате масляных красок, шуршании карандаша по белоснежной бумаге. Но, попав в художественный ВУЗ, за своим другом пришел на курсы художников-мультипликаторов при студии «Союзмультфильм». И вспоминал впоследствии, что сразу за тем, как сдал документы, прием на курсы был прекращен. Так в 1959 году Юрий Норштейн попал в анимацию, о которой и не мечтал.

Норштейн не оставлял мысли заняться живописью, не раз порывался уйти из анимации, но она его уже не отпускала. Он и сейчас нет-нет да задается вопросом: «А не ошибся ли я? Мое ли это?». Ответом служат снятые им фильмы. О них можно говорить бесконечно, открывать новые грани мастерства, глубинные смыслы, скрытые за видимым, но никакие слова не заменят чувства, которое рождается при их просмотре. Ибо суть заключена не в конкретном кадре, не в образе или рисунке, она лежит между кадрами, разворачивается в процессе их движения, возникает из синтеза изображения и музыки.

С начала работы на студии до первого фильма прошло почти девять лет. Начав с должности художника-фазовщика, помогающего мультипликатору, Норштейн прошел весь путь в этой удивительной профессии. Именно это во многом позволило Норштейну создавать поистине авторское кино, контролируя все этапы создания фильма – от замысла и написания сценариев (нередко в соавторстве с Л. Петрушевской, С. Козловым) до окончательного монтажа, цветокоррекции пленки и сведения фонограммы с изображением. Не стоит и забывать, что он еще и первоклассный актер, играющий всех своих персонажей – реальных и сказочных героев, вымышленных и исторических личностей, животных, птиц и рыб. Даже природа в его лентах оказывается одушевленной, обладает своим характером и неповторимостью. Это и поглощающий мир, жемчужно-призрачный туман в ленте «Ежик в тумане», и осенний, заунывный, бесконечно моросающий серебристый дождь в «Цапле и журавле», и промозглая, танцую-

Волчок

щая свой смертельный танец бесноватая вьюга в «Шинели», и льющийся из глубины, наполняющий пространство «фирменный» норштейновский то мерцающий, то лучистый свет.

Переход в кукольное объединение стал его судьбоносным шагом. Юрий Норштейн встретил Франческу Ярубсову, будущую жену и художника-постановщика всех его лент. Они познакомились во время работы над фильмом «Пойди туда – не знаю куда» (1966). По словам Норштейна, лишь в кукольной анимации он почувствовал интерес к своей профессии, открыв для себя доселе неизведанные ее области. Здесь началось его восхождение к вершинам творчества.

Первой ступенькой стала лента «25-е – Первый день» (1968), снятая в соавторстве с Арк. Тюриним. Работа над фильмом позволила прикоснуться к искусству начала XX века и открыть огромные эстетические возможности анимации, понять новую изобразительную драматургию. За это его обвинили в формализме, а сам фильм чуть не попал на «полку». Получил самую низкую прокатную категорию и вышел тиражом в несколько копий, и то после полученного «Серебряного голубя» – главного приза Лейпцигского фестиваля. Хотя фильм был пробой пера, режиссер считает, что он сильно повлиял на все его последующее творчество.

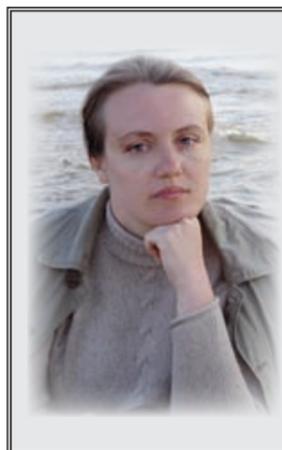
Через год вышла новая лента, «Времена года», в содружестве с мэтром советской анимации И. Ивановым-Вано. В 1971 году появилась «Сеча при Керж-

женце» – патетико-героическая симфония, снятая на основе образов древнерусской иконописи и фрески. Эпическое звучание ленте добавляла музыка из оперы Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже». Может быть, именно тогда он и ступил на дорогу веры, по которой пошел и его сын-иконописец Борис?

В 1973 году Норштейн снимает первый самостоятельный фильм «Лиса и заяц» (вошел в итальянский цикл «Сказок народов мира»). Это определило условно стилизованное визуальное решение, возникшее из обращения к наивно-трогательным образам народного искусства, росписям прялок и коробов. Простую народную сказку режиссер превратил в психологическую драму, возведя до уровня библейской притчи о. Здесь режиссер впервые обратился к мотиву «оскорбленного невинного существа». Тема маленького человека, переживающего трагедию из-за бесправия и власти сильных и наглых, стала одной из главных в его творчестве. Она проходит через все фильмы, став центральной в «Шинели» – его последней, еще не завершенной работе.

В ленте «Лиса и заяц» впервые обозначился и особый тип героя его лент: вечный путник, бредущий по неуютному миру в поисках родственной души – чтобы вместе было не так страшно, чтобы вместе найти путь к потерянному дому, к месту спокойствия и защищенности. По сути, герои его лент, блуждая в тумане, бродя по дорогам, пробираясь сквозь лесные чащи, стремятся к познанию, к постижению истины. Они ищут дорогу к храму, путь к Богу. Свет, то в виде мерцающего мотылька, севшего на палочку, то в виде костра, горящего в лесной чаще, то струящийся из глубины кадра и пробивающийся из темноты, направляет их путь, словно спасительная нить Ариадны.

Тонким лиризмом наполнен фильм «Цапля и журавль» (1974), созданный, как и предыдущий, на основе народной сказки. Притчевое начало наполняет ленту метафорическим звучанием и глубоким духовным смыслом. Каждый может черпать из них то, что доступно его пониманию, но для всех в них остается нечто непостижимое, тайна, что заставляет пересматривать их, открывая новые смыслы, получая новые откровения. Как сказал Н. Клейман, «для детей *Цапля и журавль* – сказка про наказанных Упрямцев, для взрослых – «чеховская» драма

ОБ АВТОРЕ. Наталья Геннадьевна Кривуля – доктор искусствоведения, профессор Всероссийского государственного университета кинематографии им. С.А. Герасимова, член Союза кинематографистов РФ, член Московского союза художников, лауреат премии «Святого Георгия» и Национальной премии «Белый слон», руководитель международного проекта «Анимация как феномен культуры». Ее монография «Аниматология: Эволюция мировых аниматологий» открывает новую науку, изучающую анимацию и ее отношение к действительности, влияние на многие научные и художественные направления, её рождение, развитие и тесное переплетение с самыми различными сторонами жизни.

Гордыни и Одиночества». Лента далека и от традиционного понимания сказки, и от расхожего мнения, что анимация – это кино для детей. Работы режиссера находят своего адресата в аудитории любого возраста, образовательного ценза и социального статуса.

Герои фильма тоскуют по счастью, стремятся к нему, но неспособны его обрести, восстановить былую гармонию, прежнюю легкость бытия. Их мир разрушается конфликтом, истончается, словно осенняя паутина, его жизненная ткань рвется, а образ теряет очертания за смыкающимися свои объятия стеблями зыбкого камыша, размывается в струях дождя. Ощущение чеховской интонации усиливается благодаря парящей, уносящей ввысь музыке М. Мееровича и звучащему за кадром голосу И. Смоктуновского. Музыка звучит контрапунктом к изображению, но при этом соответствует ему по пластике, соединяется с ритмом действия, создает хрупкую и прозрачную атмосферу фильма-элегии.

Следующая работа – «Ежик в тумане» (1975) – давалась невероятно тяжело. Уже снимались первые сцены с ухающим у колодца филином, падающим с дерева сухим листом и смиренно стоящей в тумане лошадей, а главного героя все не было. Ежик никак не получался, был не таким, каким его чувствовал и представлял Норштейн. Все, что рисовала Франческа, его не устраивало. Ситуация становилась критической, напряжение дошло до высшей точки эмоционального накала. И вдруг в один момент что-то произошло, и ежик нарисовался во всей своей по-детски наивной простоте и необычайной выразительности.

Идея «Ежика» возникла из смутных ассоциаций и видений, навеянных поэтическими строками, призрачными образами, всплывающими из глубин подсознания и далекими от текста козловской сказки. Его основательно переделывали, наполняли иными философией и звучанием, и экранное воплощение стало притчей о загадочности сущего, о таинстве бытия, поиске Бога и непостижимости границ творения. Туман как основной поэтический и метафорический образ фильма стал гранью, разделяющей мир видимый и невидимый. Скрывая мирское, он открыл иную сторону бытия – того, что превыше мира. Туман становится условием, позволяющим созерцать тайну Божьего присутствия. Словно иконостас в храме, он возвещает, что есть нечто и по ту сторону сущного. Он,

Зайка

как говорил П. Флоренский, есть «вход в иной мир». Движение в тумане становится практикой сверхчувственного познания, путем горного восхождения. Погружение в туман становится шагом на пути к духовному рождению.

В 1979 году вышел фильм *всех времен и народов*. Так определили его эксперты международного комитета, отобравшие 100 лучших анимационных работ. «Сказка сказок» уже более тридцати лет возглавляет этот список. Первоначально лента называлась «Придет серенький Волчок». Одна из сюжетных линий повествовала о военных событиях, и у чиновников из Госкино возникли вопросы. Какой Волчок? Откуда идет? Куда придет? Чтобы фильм вышел в прокат, пришлось изменить название. «Сказкой сказок» называлось одно из стихотворений турецкого писателя Назыма Хикмета, чьи поэтические строки стали эпиграфом к фильму и пропитали, по словам режиссера, его внутреннюю плазму. Это одна из самых личностных работ. Она жила и зрела в сознании, в душе режиссера, пока в назначенный час не была снята на пленку. «Сказка сказок» – проекция внутреннего мира, обрывков памяти и пережитых чувств. Исповедь автора. Фильм рожден из фантазий и образов прошлого; из звуков, шорохов и запахов детства, проведенного в Марьиной Роще; из мимолетных и призрачных воспоминаний; из глубоких, в каждой клеточке тела, переживаний, оставленных годами войны и послевоенным детством с его маленькими радостями и большими открытиями; из мелодии довоенного танго и надмирной музыки Баха.

Сложно однозначно сказать, о чем это. Об истории дома и людей, живущих в нем, о детстве и войне, а в сущности, об истории страны, о памяти, о гармонии, о душе и вечности, о том, что наше бытие прочитывает страницы Книги книг. Сюжет невозможно пересказать, как невозможно пересказать поэзию, музыку или живопись. Любая попытка оборачивается мучительным поиском слов, выстраиванием ассоциативных рядов, которые, несмотря на все старания, не приближают к экранному образу. Фильм нужно увидеть и пережить, к нему нужно возвращаться, и он снова откроет нечто, ранее не увиденное, не понятое, тайное, то, что не изображено в кадре, а спрятано за внешним обликом. И каждый раз на тебя снова смотрит с экрана пронзительным, проникающим в душу взором Волчок. В его широко открытых, по-детски удивленных глазах отражается весь мир с его страстями, но в них есть и то умиротворение и спокойствие, которое несут лики святых на иконах. В одном из интервью Норштейн заметил, что столь странный взгляд Волчка вовсе не случаен. Создавая его образ и ища выражение взгляда, он все время вспоминал спокойный и охватывающий все пространство взор Спасителя, запечатленный на иконе кисти Рублева. Этот образ живет в душе Мастера. Норштейн не раз говорил, что, работая над «Ежиком в тумане» и «Сказкой сказок», он постоянно обращался к рублевскому «Спасу» и «никуда от этого не мог деться».

Эта стекающая с листа в поминальный граненый стакан, словно слеза, капля воды... омываемые дождем яблоки... плавающий взор младенца у материнской груди... В «Сказке сказок» пронзительная достоверность реальности соединяется с архетипической сказочностью Серого Волчка из народной колыбельной, мотивы Вечности и библейских Заветов переплетаются с современностью. Но нет и намека на эклектичность пространства. Все объединено единым нервом, пропитано духовным началом, переплавлено в целостный и неделимый мир, где нет границ между прошлым и настоящим, между горным и дольным, между вымыслом и реальностью.

Последние тридцать с лишним лет режиссер работает над гоголевской «Шинелью». Процесс идет неровно, тяжело, с вынужденными перерывами, натываясь на реалии нового времени. Но отснятые фрагменты будущего фильма – это уже непревзойденный шедевр, открывающий доселе неизведанные горизонты анимации.

Норштейновская «Шинель» – не привычная экранизация гоголевской повести, но лента о рождении, жизни и смерти, о нетерпимости, неспособности видеть рядом с собой другого человека, о совести, о невозможности мести. Как говорит сам режиссер, «Шинель» – величайшая притча, библейская история, не вошедшая в Библию глава... и в тоже время Страшная повесть, так как «две тысячи лет христианства не смогли избавить людское общество от жажды мщения».

Сохраняя интерес к материалу и разрабатывая на протяжении многих лет идею фильма, Норштейн кропотливо, кадр за кадром, тклет сложнейший орнамент экранной ткани. В век компьютерных технологий и анимационных эффектов, поражающих сознание зрителей оптическими трюками, режиссер верен себе, выбранному художественному стилю и невероятно кропотливой и трудоемкой рукотворной технологии многоярусной перекладки. Его работа подобна магическому действию, когда из сотен разнородных элементов, соединяющихся и наслаивающихся друг на друга, создается материально осязаемый мир, наполненный глубиной, звуками, фактурностью. Норштейн отстраняется от современных компьютерных технологий. Это происходит не потому, что он не хочет осваивать новый инструментарий или не доверяет технике, лишаящей, по его словам, изображение жизненных токов, идущих от кончиков пальцев к штрихам, линиям, деталям, но потому, что он ценит «удельную тяжесть труда», нуждается в сопротивлении материала, в оживлении мертвой материи, передаче ей части своей энергии. Выбранная им технология перекладки позволяет раскрыть

тайную, чувственную сторону анимации. Эта технология созвучна миру его фильмов, она словно создана для показа соприкосновения двух миров, находится на грани и существует между плоским рисунком и объемом куклы. Норштейн и Ярубсцова создали уникальный изобразительный стиль не то живописной графики, не то графической живописи.

Фильмы Норштейна – это уникальный художественный космос, наполненный звучанием мгновенно узнаваемых интонаций, духовными смыслами, которые раскрываются в достоверности и емкой образности деталей, филигранной выверенности жестов, материальной осязаемости фактур. Созданные из движимых изображений, они непостижимо пробуждают дремлющее в сознании духовное видение. Через черточки и линии, световые и красочные пятна, теряющиеся очертания фигур делается видимой изображенная духовная реальность, созданная по собственному духовному опыту мастера.

Во время работы над «Шинелью» Юрий Борисович снял заставку для передачи «Спокойной ночи, малыши!», которая, по непонятной причине, к сожалению, не прижилась в эфире, а также выпустил трехминутный фильм по стихам Басё, вошедший в цикл «Зимний вечер» (2003), – международный проект, снятый тридцатью пятью выдающимися режиссерами современности при поддержке Японии.

Хотя каждый из фильмов Норштейна совершенно самостоятелен, все они невидимо связаны между собой. Это заметно не только на уровне объяснимого единства художественного стиля: почти все они созданы одной творческой груп-

пой – художник-постановщик Ф. Ярубсцова, оператор А. Жуковский и композитор М. Меерович, – но и на уровне метафорической свободы и эмоционального звучания, с их светлой печалью, бесхитростной трогательностью и сентиментальностью образов, чистотой и непостижимостью скрытых смыслов. Фильмы заставляют вернуться в мир детства, вспомнить давно забытые ощущения, погрузиться в полусонное состояние, уйти в себя, открывая простор для воображения.

Его спросили: «Откуда берет исток ваше искусство?». Он ответил: «Из религиозных откровений». – «Имеют ли значение сами вопросы веры или безверия?» – «Они, эти вопросы, толкают художника к проявлению смыслов жизни». Создавая свои фильмы, он не стремится кого-то удивить или поразить. Для него суть искусства в скромности и сдержанности, в простодушии. По его словам, «все мировое искусство имеет смысл, если в наших душах открывается любовь».

Загадка творчества Юрия Норштейна, наверное, таится в неистощимой жажде открывать все новые и новые грани искусства и бытия, в умении оставаться самим собой, не стесняться быть непонятым, в искренности творческого откровения, в способности передавать состояние счастья, даровать возможность зрителям увидеть тайну и почувствовать Божественное откровение.

Режиссер мечтает о новых лентах, среди которых «Притча об Иове» и «Песнь песней». Новых идей у мастера много, но для него важно не какие он будет снимать фильмы, а как они ответят на вечный вопрос: «В чем смысл жизни?». И в связи с личностью творца вспоминается из Евангелия от Иоанна (13:34): «Да любите друг друга».

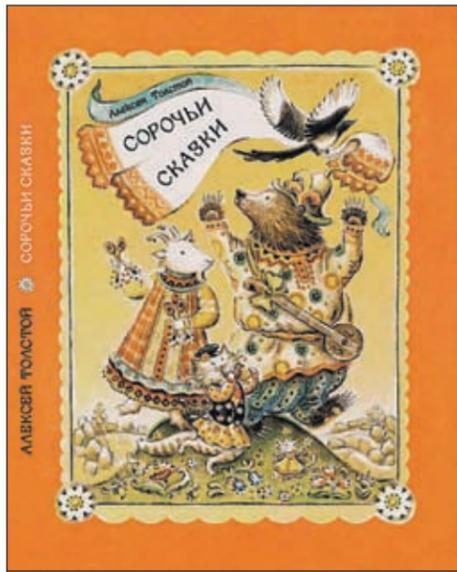

Ежик в тумане

Сказка сказок

«Сказки» стали былью

В одном из недавних номеров (№6 за 2012 год) мы рассказали о молодых художницах-иллюстраторах – Александре Пономаревой и Евгении Лоцмановой. К тому времени у талантливых художниц еще не вышло ни одной книги с их работами. И вот радость: московское издательство «Мир детства» выпустило «Сорочьи сказки» Алексея Толстого с иллюстрациями Жени Лоцмановой.

Книга, над которой девушка работала на протяжении почти десяти лет в литографской мастерской Московского университета печати, получилась настоящим произведением искусства. Поистине долготерпение, талант, трудолюбие и доброе сердце творят чудеса. Девушка из Коломна, правнучка иконописца, создала на бумаге свой удивительно гармоничный мир, который приветит и согреет и маленького, и взрослого читателя.

Книга исполнена не только полиграфически безукоризненно, но и с огромным уважением к молодой художнице, еще не имеющей званий и наград. Евгении посвящено предисловие «От издателя». Оно завершается такими высокими словами: «Художница этой книги совершила подвиг. Хрупкая девушка, презрев современные технологии, работала с тяжеленными литографскими камнями, десятки раз улучшая то, что в результате стало совсем невесомым... Зовут ее Евгения Николаевна Лоцманова. Запомните это имя».

Это восхищение, это столь редкое сегодня бережное отношение к таланту, безусловно, передастся всякому, кто возьмет в руки эту красивую книгу.

О том, как приобрести «Сорочьи сказки», можно узнать на сайте <http://redakzia.ru/> или по телефону: 8(495)972-81-75, 8(901)546-81-75.

В православном церковном календаре день 17/30 мая отмечен, в частности, и таким событием: память преподобной Евфросинии, в миру Евдокии, великой княгини Московской. Жена Дмитрия Донского, она делила с ним все трудности московского княжения, а в XIV веке, как, впрочем, и в предыдущие, и в последующие века, их нашей земле хватало. «Великая Княгиня, – как пишет о ней Московский патерик, – сама стала примером добродетели».

Однако память о выдающейся женщине хранят не только календари и исторические сборники. В этом учебном году в Москве прошел историко-просветительский конкурс творческих работ школьников, посвященный роли великой княгини в истории российской государственности. Его организовал попечительский совет Центра национальной славы «Служение Отечеству: события и имена».

Познакомьтесь с победителями и их работами.

Молитвою спасающая Русь былина про прп. Евдокию Московскую (в иночестве Евфросиния)

Когда воссияло солнце красное
На тое ли на небушко на ясное,
Тогда во славном Москово граде
Княжил благоверный князь Дмитрий,
Княжил со супругою своею Евдокиею.

**Про то, как во славном граде
Москво завелася худая болезнь
и про пожары во граде**
Как стало проходить сорок лет
Отсутствия лихолетия в Отечестве нашем,
Так завелася во славном граде Москово
Болезнь худая, болезнь моровая.
Так во славном граде пожары,
Стали пожары губить хаты русские,
Так стали горьки слезы людей доходить до князя.

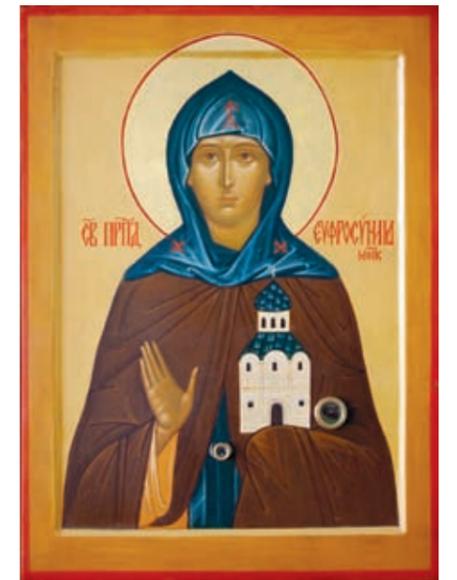
Воззвал тогда князь ко Евдокии:
«Реки, княгиня, как нам бысть?»
И рекла тогда ему княгиня:
«Або ми бысть матерью нрада,
Або нрад бысть погибнет!».

**Про то, как князь Ольгерд
на град святыи в поход собрался**
И тут по прошествии нескольких лет
Когда воссияло солнце красное,
Литово нрада князь Ольгерд
На град святыи в поход собрался.
Тут князь со княгинию вместе с боярами,
А так и Алексей – отец наш Московский
Во Кремле сохранился от ворога темного,
И Кремль спасся от врага темного,
Но Москво бысть огню предана.

**Про то, как собрался князь Дмитрий
в Орду за ярлыком на княжение**
Когда стала Евдокия ко Господу плакати,
Тогда собрался князь Дмитрий в Орду,
Тогда Алексей его благословя,
Отправится с оным до града Коломна.
А Велика княгиня стала опять молиться,
Молитися ко Богу стала опять.

Або бысть убит Дмитрий в Орде,
Або бысть вернутися он домой.
По молитвам святаго игумена Сергия,
А так и нрада Москово всего,
Вернул Господь оным князя,
Вернул Дмитрия Он в Москово.

**Про битву на поле Куликовом
и про течение битвы, реченное князем**
Как во славном граде Москово
Шли года отсутствия лихолетия,
Так стал князь Дмитрий в поход собираться,
В поход собираться на ворогов темных,
На Куликово поле в поход собираться.
Так стала Княгиня молиться за Русь,
Молитися за Русь с настоятелем Сергием.
По их молитвам Русь победити,
По их молитвам Русь спаслася!
Воззвала тогда Москово княгиня:
«Реки, Дмитрий, течение битвы».
Рек тогда Дмитрий ко Евдокии:
«Когда воссияло солнце красное
Над полем Куликовым над ясным,
Тогда собрался хан темный Мамай,
Собрался он бити наше светлое войско.
Жити он в гrome дедовских побед,
Знати немало битв и захватов.
На поле чистом собратися богатыри.
От их темной силы бысть Челубей,
От наших честных сил бысть Пересвет.
Пересвета звати бысть Александр.
Бысть убит злый Челубей,
Но умер в стане у нас Александр,
И пети оному мы хвалу.
Бысть крепкость опора войска,
Опора войска нашего бысть.
Ратный дух кметей наших,
А так и молитвы, княгиня, твои
Бысть в помощь нашему войску,
Нашему войску в помощь бысть.
Острыми копыями мы одолети,
Мы одолети ворога темного.»

Благодарю, Боже! Господи, благодарствую!
Победа бысть у русского нрада!».

**Про нашествие злаго хана Тохтамыш
на святыи град**
И вот по прошествии двух лет
Отсутствия лихолетия во Отечестве нашем
Злый монголо хан Тохтамыш
На град святыи в поход собрался.
Оставити Дмитрий град Москово,
Потек в другие града собрати Войско,
Собрати войско-славно потек.
Хотети князь Дмитрий дух ратный под-
нять,
Дух ратный поднят у войска оного.
Собрати кметей хорокрых и крепкий,
Со земель русских собрати хотел.
А Евдокия во Москове осталась молитися,
Молитися во Москове осталась оная.
Но близко бысть Тохтамыш ко граду,
Ко граду близко бысть Тохтамыш.
Опасно бысть во граде святом,
Оставити со чадами Евдокия град,
А так и Киприан – митрополит Москово.
И потеки оные вслед за князем во грады.
Подошел ко Москово хан Монголо,
Скача, яко волки, дружина его,
Взяли град славный кмети темные,
И Москово бысть огню предана.
Вернулся Дмитрию во град Москово,
Вернулся со сродниками и Киприаном.
Увидя град Евдокия и князь,
Горько плакать стали оные.
И похронити убитых за серебро свое,
За серебро свое похронити убитых.

**Про то, как княжич Василий отпра-
вится в Орду к Тохтамышу
и про смерть князя Дмитрия**
И вот по прошествии нескольких лет,
Когда воссияло солнце красное,
Тогда святыи благоверный князь Дмитрий
Ко хану Тохтамышу бысть должен отпра-
виться.

Тогда стал его чадо Василий растеть-матереть,
Тогда решити князь отправить младого война в Орду,
Крепкого младого война-чада своего.
Евдокия молитися за чада Василия,
За чада Василия молитися бысть.
Попасти княжич ко злыму хану,
Ко хану Тохтамышу попасти в плен.
Два долгих лета молитися Евдокия,
Молитися ко Господу два долгих лета.
И вот Господь вернути Василия,
Вернути Василия Он в Москово.
И вот по прошествии нескольких лет
Отсутствия лихолетия во Отечестве нашем
Святой благоверный князь Дмитрий скончати-ся.
Весь нрад Москово плакать бысть,
Бысть плакать весь нрад Москово.
Хоробра и мужественна дружина князя,
Которая уповати на Славного Бога,
А так и на светлого князя Дмитрия,
Свои могучие шлемы сняти,
И положить оных на копыя опору.
«Волками ходити со князем всегда,
Спасити Господь его добрую душу», -
Рекли кмети в тот день ко Евдокии.
Евдокия же плакати вместе с нрадом,
Вместе с нрадом ко Богу молитися бысть.
Дабы Господь помиловати князя,
Светлаго князя помиловать бысть.
Рекла тогда оным княгиня:
«Рекл Дмитрий мне пред кончиною,
Яко аз, драгая его княгиня,
Бысть чадом своим отец и мати.

Про нрадские клеветы о Евдокии
И вот по прошествии нескольких лет...
Со дня кончины Великого князя,
Когда стали княжить Василий и мати,
И мати его светла княгиня Евдокия.
Тогда стали клеветы нрадские «ползти»),

Д и п л о м
мом I степени в
художественно-
изобразительной
номинации и па-
мятным подар-
ком награждается
Робия Хайдарова,
учащаяся из студии «Семицветик» сред-
ней общеобразовательной школы №1688
г. Москвы за картину «Княгиня Евдокия»
(пастель).

«Ползти» темны клеветы про Евдокию.
Тогда все чада ея собралися,
Собралися и воззва ко матери светлой:
«Реки нам, княгиня, про клеветы нрад-
ские!».
Евдокия же сняти часть одежд
И показати чадам руцы своя.
Лицедре тогда княжичи вразумети,
Яко светла их мати велика постница,
И яко плоть ея «прилепитися к костям»,
Хотети отмстить за матерь нраду,
Но Велика княгиня и мыслить о мсти
На веки своим сыновьям запретити.
Каждый день во храмах оная пребывати,
Во храмах пребывати каждый день она.
Монастырь во Кремле воздвигла княгиня,
В честь Вознесения воздвигла Евдокия мо-
настырь.

Про нашествие злаго хана Тамерлана
В лето шесть тысяч девятьсот первое от со-
творения мира
Напал на град святой Тамерлан.
Молитися стали ко Богу русские люди,
А с ними и оных Велика княгиня.
Тогда княжил во славном граде князь Ва-
сийлий,
Посоветовася оный со светлою матерью.
Рекла ему тогда Велика княгиня:
«Перенестъ святой образ Богоматери
Из града Владимира во Москово град».
И повелети князь Василий принестъ
Святой образ во град Москово.
И встрети русски люди икону,
Молитися бысть пред образом святым.
И Милостивый Бог послати чудо:
Москво бысть спаслася от хана.
А спасение чудно бысть таково:
Однажды почивати темный хан,
Почивати во стане кметей темных.
И увидити Тамерлан Светозарную Жену,
Светозарную Жену, окруженную воин-
ством,
Окруженную велико молниеносно война-
ми,
Окруженную воинами, устремившимися на
хана.
И в испуге велика хан темный

Про постриг Евдокии и про ея кончину
И вот по прошествии нескольких лет
Чуднаго спасения землей русских
Велика княгиня решити принять монаше-
ство,
Монашество бысть принять решити.
Решити принять оная после того,
Как ей явися Михаил Архангел
И сказа, яко кончина ея близка.
И вот перед самым днем ея пострига
Явися в ночь она слепцу,
Явися оная, обещаши исцеления.
И восста утром слепец, благодарити Бога.
А днем услыша, яко идет Евдокия,
Просити ея, яко исцелити его.
И рекл ей в надежде слепей:

ОТЗЫВ

Исследо-
вательно-твор-
ческая работа
«Моли твою
спасшая Русь»,
которую пред-
ставил ученик
7-го «Б» класса
НОУ «Право-
славный центр
непрерывного
образования во
имя преподоб-
ного Серафима
Саровского»
(г. Москва) Ар-
тем Белин, до-
стойна первого
места с оцен-
кой 10 баллов.

Работа соответствует объявленной тематике, которая раскрыта с большой степенью полноты. Автор показал высокий уровень компетентности. Структура работы отражает ее содержание. Необходимо отметить не только хорошую осведомленность автора о событиях, связанных с жизнью и деятельностью его героини. Плодотворна авторская попытка применить творческий подход при анализе былинного жанра. Представленные А. Белиным былина собственного сочинения, презентация и художественный иллюстративный материал существенно повышают уровень работы.

«Боголюбива госпожа! Велика княгиня!
Ты есть добра питательница нищих!
Ты всегда бысть велика подательница!
Помози и ми грешному, яко обеща!»
Евдокия же шла, будто не замети,
Будто не замети гласа слепца.
Но мимо одного быстро пройди,
Коснуся лика его одеждой,
И бысть исцеление сразу получитьи,
И бысть оный Бога за се благодаря.
А нрад же лицедре во Евдокии святую.
А Евдокия же пострися со именем Евфро-
синия,
Яко на наш же лад бысть «радость».
А когда по прошествии нескольких лет
Отошедши Евфросиния ко Богу,
Похронити нрад Москово ея,
Во славном соборе в честь Вознесения,
Оный же сама Евфросиния бысть основати.
Когда воссияло солнце красное,
На тое ли на небушко на ясное,
Тогда стал нрад Москово и русский
Почитать свою святую княгиню Евдокию,
Во инокинях же Евфросиния Москово.

**Артем Белин, ученик 7 «Б» класса
Православного центра
непрерывного образования во имя
преподобного Серафима Саровского**

Великая княгиня Евдокия Дмитриевна (преподобная Евфросиния Московская) в истории российского государства (фрагмент реферата)

По воспоминаниям современников, Евдокия Дмитриевна прославилась христианскими добродетелями, была мудра и ревностно занималась церковным строительством и украшением храмов.

За некоторое время до пострига княгиня потеряла речь, удостоившись видения ей Архистратига Михаила, указавшего ей день кончины. Одному из известных живописцев она заказала большую икону Архангела Михаила, считавшегося покровителем московских князей. Ее повесили рядом с ракой Дмитрия. После написания образа Архангела речь к ней вернулась.

Одной из первых послушниц нового кремлевского Вознесенско-го монастыря стала сама великая княгиня, получившая 30 мая, за два месяца до своей кончины, имя Евфросинии, возможно, в память о суздальской монахине Ризоположенского монастыря Феодулии-Евфросинии, известной княгине с детства. День пострига преподобной Евдокии запомнился москвичам особыми чудесами, возвращением зрения слепорожденному, который притронулся к длинному рукаву княгининой одежды, и еще тридцатью исцелениями болящих.

Евдокия Дмитриевна умерла 7 июля 1407 года. Похоронили великую княгиню в основанном ею Вознесенском монастыре, где она покоилась до 1929 года. Захоронение проведено до окончания строительства храма. Сразу после блаженного упокоения Великой княгини у ее гробницы происходили чудеса: загоралась сама по себе свеча на могиле преподобной, слепые получали зрение, хромы начинали ходить. Спустя краткое время она была причислена к лику святых и прославлена. Православная церковь провозгласила княгиню святой и стала отмечать ее память 17 мая (30 мая по новому стилю) и 20 июля. После уничтожения Вознесенского монастыря большевиками останки Великой княгини Евфросинии в каменной раке были перенесены в подклеть Архангельского собора, как и останки других княжон и цариц. 28 мая 2008 года состоялось перенесение мощей святой благоверной княгини Евфросинии Московской в придел мученика Уара в Архангельском соборе Московского Кремля.

В 2006 году образ святой преподобной Евфросинии Московской стал путеводным и вдохновляющим для участников всероссийской демографической программы «Святость материнства».

В 2005 году в районе Котловка в Москве началось строительство храма преподобной Евдокии (Евфросинии) Московской. В мае 2008 года в храм были перенесены частицы мощей Преподобной Евфросинии Московской, а в декабре 2010 года храм был освящен.

Святыни храма:
– чудотворная икона преподобной Евфросинии, Великой княгини Московской с частицами мощей и пояса;
– чудотворная икона Божией Матери «Почаевская», переданная в дар братией Почаевской лавры;
– чудотворная икона Божией Матери «Неупиваемая Чаша»;
– чудотворная икона Святителя Николая, архиепископа Мир Ликийских чудотворца;
– чудотворная икона Божией Матери «Владимирская» с частицами гроба и ризы Пресвятой Богородицы;
– камень от гробницы преподобной Евфросинии Московской.
21 августа 2007 года была учреждена награда – орден преподобной Евфросинии Московской. Орденом награждаются женщины, внесшие особый вклад в дело укрепления духовно-нравственных традиций в обществе и развития социального служения Церкви

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В памяти народа именно княгиню Евдокию называли Матушкой земли Русской, и вскоре после ее кончины причислили к лику святых. Велик ее вклад в становление Российского государства и его культуры.

Более шести столетий назад совершала Евдокия Дмитриевна свой многотрудный подвиг, много важного и полезного сделала она за свою земную жизнь. Без преувеличения можно сказать, что Москва во многом обязана ей своим нынешним положением, именно благодаря княгине еще не столь большой в то время город смог выстоять против бед и потрясений, произошедших за весьма краткий период времени.

Княгиня Евдокия явилась первой женщиной-государыней в Московской Руси. Она сочетала в себе мудрость правительницы и кротость христианки. Она – первая из жен Руси, которая стояла у истоков рождения Российского государства. Не без ее трудов Москва утвердила за собой право быть первопрестольным градом земли Русской. Будучи Великой княгиней, занимая высокое государственное положение, она, прежде всего, оставалась нежной супругой и любящей матерью, родившей двенадцать детей. Своей подвижнической жизнью она явила яркий пример для подражания всем женщинам. После смерти мужа на ее хрупкие женские плечи легло управление Московским Великим княжеством.

Преподобная княгиня с первых дней своего замужества совершала добрые дела, дела милосердия. Она видела и помогала всем тем, кто нуждался в ее помощи, сострадании и утешении. Она была образцом молитвенного подвига за мужа, за детей, за все много-страдальное Отечество для всех москвичей. Видя ее теплое и трепетное отношение к своим подданным, москвичи еще при жизни называли ее матерью, а после смерти и весь русский народ стал звать ее покровительницей Руси.

Я считаю, что образ Евфросинии Московской – это нравственный идеал, который явил своей жизнью лучший пример духовного подвижничества, социально значимого поведения. Она была не только покровительницей Российского государства, но и опорой своей семьи. Именно семья – основа успешного развития общества, залог его стабильности, – обеспечивает передачу будущим поколениям духовных и нравственных традиций. К сожалению, современный институт семьи в нашей стране находится в глубоком кризисе. По моему мнению, необходимо возрождать и укреплять институт семьи путем привлечения внимания общества и государства к семейным ценностям, защите семьи, материнства и детства.

Хочется, чтобы у всех детей и подростков формировались мировоззрения в духовных, нравственных, личностно значимых измерениях; чтобы и в наше время были такие личности, как святая преподобная Евфросиния Московская, – настоящие патриоты своего государства, верные супруги и любящие матери.

**Павел Маркин,
ученик 8 «А» класса школы № 2038 г. Зеленограда**

ОТЗЫВ

Реферат ученика 8 «А» класса школы № 2038 (г. Зеленоград) Павла Маркина «Великая княгиня Евдокия Дмитриевна (преподобная Евфросиния Московская) в истории Российского государства» соответствует объявленной проблематике.

Автор хорошо раскрыл актуальность темы и задачи, которые ставил перед собой. С помощью большого количества источников сумел показать жизненный путь и ту важную роль, которую играла Евфросиния в политической и духовной (в первую очередь, в церковной) жизни Московского княжества.

Рекомендуется присудить первое место с общей оценкой 10 баллов.

Редакция искренне благодарит секретаря рабочей группы по проведению конкурса Никиту Филиппова за отзывчивость и бескорыстную помощь в организации публикации.

Марина Невцетева

Лонгитюд с непредсказуемыми последствиями

Уроки вранья в ювенальных технологиях

Каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени. Конституция РФ, ст. 23,1.

Недavno в нашем классе детям раздали вопросник. Что-то невинное, про санитарные нормы для зрения. Но я – родитель ушлый, вчиталась. «Во сколько ты ложишься спать? Сколько времени проводишь за компьютером? Часто ли ты чувствуешь усталость на уроках? Долго ли делаешь домашние задания?» И так, дочке ненавязчиво советовали признаться, что в ее семье злостно нарушается режим школьника.

– Если мы напишем правду, – пояснила я ребенку, – тебя отправят в детдом и мы долго не увидимся. И не сходим ни в кино, ни в «Макдоналдс». Поэтому давай, пиши, что ложишься в девять вечера...

Можно обвинить меня в родительской паранойе, но я уже горьким опытом научена. Летом дочь ушибла руку, упав с велосипеда. Боль прошла через час, остался синяк и легкая припухлость, о которой сама пострадавшая тут же забыла. Мы спокойно уехали бы на дачу, но бабушка подняла переполох. Пришлось идти в травмпункт. Там всех осчастливили: бабушку – подтверждением ее интуиции, дочку – новеньким гипсом. Но главный бонус достался нам, законным представителям. Про нас НЕ СООБЩИЛИ в полицию! Оказывается, при детской травме неясного происхождения медики обязаны просигнализировать «куда следует». Порядок такой – всех родителей подозревать в истязательстве.

Ювенальные технологии проникают в общество незаметно и, к сожалению, давно. Еще в 1990 году органы опеки получили право немедленно (без суда и следствия) изымать ребенка из семьи «при непосредственной угрозе жизни или здоровью». Позже в статье 156 УК РФ, предусматривающей наказание для нерадивых «предков», появилась фраза о «ненадлежащем

исполнении родительских обязанностей». Что значит «ненадлежащее», в законе не прописано. Оценивать ситуацию в семье должны органы опеки. Соцработник приходит в дом, выявляет признаки неблагополучия, заносит в протокол. Нет бутылок на полу – не беда, есть мусор. Нет мусора – сойдет шерсть животных, на худой конец, можно указать, что линолеум старый. Уйти с пустым протоколом сотрудник опеки не может, иначе получится, что зря ему государство деньги платит.

Опека не может брать под контроль кого вздумается. Нужен формальный повод – хотя бы анонимная жалоба. Только привычных объектов для принятия мер все меньше. У районных алкашей уже всех, кого можно, забрали и по приютам развезли, а в приюты пусть наркослужба ходит. Кто остается? Многодетные! У них обычно беспорядок и с деньгами неважно. На них и соседи жалуются. Еще в «группу риска» попадают матери-одиночки: им с детьми сидеть некогда. Семьи, где есть взрослые с инвалидностью. Приемные родители. И все. Не густо. Значит, придется искать новых клиентов. Где-то же надо брать информацию о неблагополучии!

Поликлиника и школа – две призмы, сквозь которые видно любую семью. Попробуйте отказаться от прививок, просро-

чить визит на молочную кухню, оспорить назначенное лечение, – вас сразу возьмут на заметку. Школа еще удобнее. Ее администрация настолько бесправна, что выполнит любое распоряжение «сверху». Потому-то среди школьников так легко распространяются ювенальные анкеты. В Волгоградской области ребятам предлагают письменно рассказать о насилии в семье – не только физическом, но и эмоциональном! В Ульяновске военкомат раздает старшеклассникам «лист изучения призывника» с вопросами сугубо частного характера: наличие родных за границей, доход хозяйства, зарплата родителей. А в Москве совсем недавно Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ) и фонд «Общественное мнение» (ФОМ) запустили первую волну «мониторинга образовательных и трудовых траекторий учащихся». Четыре тысячи девятиклассников подробно расскажут о своей жизни и планах. Через несколько лет ребят пригласят для нового опроса. Сверив данные, аналитики узнают вектор движения нашей молодежи. Это так называемое лонгитюдное, то есть долгосрочное исследование, – практика, существующая во многих странах. Опрос не анонимный – чтобы легче было разыскать респондентов в будущем, ребятам нужно, кроме паспортных данных, указать e-мэйл и адрес в скайпе.

Анкетировать несовершеннолетних без согласия родителей нельзя, поэтому авторы предлагают взрослым подписать соответствующую бумагу. Но – вслепую! Родителям дают лишь бланк соглашения и краткий релиз – темы и некоторые вопросы, на которые должны ответить их дети. Сколько лет семья живет в Москве, какое образование у мамы и папы, где и кем они работают? Сколько в доме книг,

какие у тебя обязанности по дому, каким способом ты добираться в школу? Придерживался ли ты какой-то диеты за последние три года? Часто ли за последние двенадцать месяцев ты молился, медитировал вне религиозных служб?

А теперь – внимание! Родителям предлагают познакомиться с десятком вопросов, а в анкете их – 100, и комбинировать их можно по-разному. А уж интерпретировать... Допустим, напишет школьник, что мама у него – технолог из Удмуртии, папы нет, книг мало, так как квартира съемная, диета протеиновая, потому что сейчас он ходит в качалку, а раньше был готом и сидел на кефире, чтоб похудеть, а еще он каждый вечер забирает сестру из садика и пылесосит квартиру. Ну что ж, хороший мальчик, заботливый. А мать? Ей же явно некогда детьми заниматься, она даже за питанием не следит! А там и до оргвыводов рукой подать.

Нормальный родитель захочет посмотреть всю анкету – но не сможет. На официальных сайтах НИУ ВШЭ, ФОМа и Департамента образования Москвы (заказчик мониторинга) – никаких следов документа, что внушает серьезные опасения. Информация о частной жизни четырех тысяч московских семей легко может стать достоянием кого угодно и быть использована в любых целях. Подобных примеров в нашей жизни не счесть: это и списки избирателей с паспортными данными, и номера банковских счетов вкладчиков, и истории болезней, которые легко становятся у нас предметом торга или средством шантажа. Авторы мониторинга, правда, клятвенно гарантируют полную секретность: даже аналитики не будут знать, где чья анкета. «Если бы не необходимость находить исследуемых, мы бы вообще не спрашивали личные данные», – убеждает координатор проекта ФОМ Лидия Лебедева. Но можно ли верить словам, когда один из самых важных принципов исследования нарушен сразу же? Предполагалось, что заполнять анкету ребята будут добровольно, а на деле вышло наоборот. «У нас в классе два человека всего заполнили, – признается ученик одной из школ Восточного

административного округа, – так теперь ее снова раздают! И велели всем принести согласие от родителей». По мнению экспертов ВШЭ, проблема не в недочетах процедуры мониторинга, а в низком уровне доверия институтам. «Типичный россиянин не хочет ни в чем участвовать. Для него тот факт, что ученые дотянулись до конкретного школьника, чтобы предоставить ему голос и изучать на его примере целое поколение, не является достаточным основанием для участия в исследовании», – жалуются разработчики проекта.

Экспертов можно понять. Вне зависимости от нашей воли, мир становится прозрачным. Мы живем в постоянном обмене информацией. Но прозрачность подразумевает ответственность. Так покажите нам ее! Желательно на местах, потому что наказание коррупционеров из верхов эффективно выглядит, но не имеет отношения к ситуации рядового гражданина, с которым общаются чиновники карманного масштаба. Чем скромнее официальный чин, тем скорее он отделяется выговором. Институт же – и вовсе понятие безликое, с него взытки гладки. Доверять можно учреждениям, а спрашивать надо с конкретных людей. Пока нет опции личной ответственности, отлаженной на всех

уровнях, – информацией делиться бессмысленно. Не с кем.

Я бы очень хотела воспитать в своем ребенке открытость и прямоту, но приходится заниматься невесть чем. Инструктировать против всех чужих – мужчин, женщин, собак. Придумывать пароль для входа в дом. Проверять страничку дочери в соцсетях на предмет подозрительных знакомств. Учить врать в анкетах. Это называется «безопасность». Господи, какой позор. Кого же мы вырастим?..

И все-таки я не боюсь. И вы не бойтесь. Научите своих детей доверять вам. Объясните, что никогда, ни при каких обстоятельствах не сделаете им плохо, потому что любите. Расскажите, почему не следует впускать в свой дом, в свой мир кого ни попадя. Прочтите им из Евангелия от Матфея (7:15): «Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные». То есть берегите тех, кто хочет убаюкать вас посулами. Их цель – разрушить связь поколений, разорвать узы родства, превратить людей в россыпь, из которой, как в конструкторе «Лего», можно сложить что угодно. Но против нормальной, дружной и счастливой семьи они – бессильны.

Дорогие друзья! Если вам или вашему ребенку предлагают заполнить анкету с вопросами, касающимися частной жизни вашей семьи, вы имеете полное право этого НЕ ДЕЛАТЬ!

Ниже мы предлагаем вам форму для официального отказа от предоставления информации. Она заполняется на имя директора школы или того учреждения, где распространяется анкета.

Я, _____, являясь законным представителем своего ребенка _____, заявляю о своем отказе предоставлять те или иные сведения о частной жизни моего ребенка или моей семьи в соответствии с частью первой статьи 23 Конституции РФ. Также прошу не использовать в отношении моего ребенка какие-либо психологические тесты и опросы, не принуждать моего ребенка к участию в этих тестах и опросах, не производить сбор информации о разнообразных сторонах частной жизни моего ребенка и моей семьи.

Дата
Подпись

Храни вас Господь!

Профессия – христианин, или Человек из евангельской притчи

Поскольку человек создан Господом Богом по Его образу и подобию, надо ли удивляться, что он, человек, столь многообразно талантлив? Говоря современным языком: все люди находятся в равных стартовых условиях. А вот проходит свой жизненный марафон каждый по-своему. Как в евангельской притче о талантах. Ведь там речь идет вовсе не о серебре, – о том, как ты употребишь отпущенный тебе Господом дар. Усердно трудясь во славу Божию, и принеся «еще десять талантов», и заслужив быть поставленным «над десятью городами». Или, закопав по нерадению, а затем вернув без пользы доверенный талант, оказаться выброшенным «во тьму внешнюю», где «плач и скрежет зубов» (Мф. 25:30). Наверное, у многих на памяти любимая сказка про Буратино. С чем в итоге остался деревянный человечек, когда зарыл в землю монеты, мечтая разбогатеть?

Герой нашей публикации – тоже, можно сказать, прямо из той самой притчи. Так как он, прежде всего, талантлив именно многообразно. Разносторонность умений, к слову, вообще таит немало искушений. Она может усиливать в человеке качества, которыми он, в силу своей греховности, наделен от природы: славолубие, гордость, надменность, высокомерие. Богато одаренные натуры нередко так ничего толком и не добиваются в жизни. Одни берутся за многое сразу, и тогда у них просто не хватает сил и настойчивости выйти на уровень заложенных в них возможностей. Другие

легко меняют пристрастия, поскольку все им вроде бы удается, стрелка их творчества мечется от одного полюса к другому, но ни одно из своих увлечений они так и не успевают превратить в подлинное мастерство. Именно здесь сокрыты причины многих несостоявшихся судеб и трагических жизненных финалов. Только труд во славу Божию, но никак не ради собственной славы, трезвый и критичный взгляд на себя, чтобы драматически не завышать собственные ожидания, помогают обрести место в земной жизни, достойное жизни небесной. А это дает вера, и только вера. Вера христианская, православная, единственная для нас с вами.

Генри Маркович Резник, с которым мы сегодня вас знакомим, и есть тот самый человек из притчи о талантах, что само по себе примечательно. Но его связь с Евангелием еще теснее. Вспомните другую притчу – о женщине, взятой в прелюбодеянии и приведенной на суд к Иисусу Христу (Ин. 3–11). С какими словами обратился к грешнице Господь? «...и Я не осуждаю тебя». Резник – один из самых известных адвокатов. То есть его профессия – защищать, а не осуждать человека. Иными словами, его профессия – быть христианином.

Попечением монахини Софронии (Алексеевой) – она несет послушание при Воскресенском мужском монастыре Ермолинской пустыни – «Лампада» знакомит вас с этим очень неординарным человеком.

Павел Демидов

Генри Резник

Бывает: женишься по расчету, а оказывается – по любви

Храм во имя преподобного Серафима Саровского, что в Ермолинской пустыни, появился во многом благодаря авторитету и безупречной репутации Генри Марковича Резника – известного адвоката, правозащитника, общественного деятеля, президента Адвокатской палаты г. Москвы, члена Общественной палаты Российской Федерации. Он здесь всегда желанный гость.

– Очень рад нашей сегодняшней встрече. Хотя согласился на нее исключительно по легкомыслию, которое является отличительным свойством моей личности. Ведь я не артист, не певец, не писатель, не актер, не поэт и, как поется в известной песне, – даже не... брютет.

Сейчас были перечислены мои посты и титулы. Для меня же главным является то, что я – адвокат. То есть в какой-то степени мастер разговорного жанра. Поэтому, как меня и попросили, я чуть расскажу о себе.

Родился в 1938 году в Ленинграде. Только чудом не стал блокадником. Потому что буквально за месяц до начала войны моего отца назначили ректором Саратовской консерватории. Наша семья уехала в Саратов, мне было тогда три года. И мы прожили там до 1956 года.

Хоть я и вырос в семье музыкантов, сам музыкантом не стал. Почему? Я задавал этот вопрос своей маме, которую похоронил совсем недавно – она прожила без малого 95 лет. Я спрашивал маму, почему она меня не учила музыке. Я хорошо помню, как ездил вместе с мамой с концертными бригадами на фронт, который проходил совсем рядом.

Саратов – очень интересный город. С одной стороны, купеческий, с другой – университетский. В городе было 11 вузов, университет, консерватория. Оперный и драматический театры, театр юного зрителя. В 1934 году, после убийства Кирова, именно в Саратов была выслана «недорезанная» питерская интеллигенция. А во время войны туда были эвакуированы Большой театр и МХАТ. Я запомнил в

концертных бригадах народных артистов СССР Бориса Ливанова, Владимира Ершова. Это были такие красавцы, с изумительными голосами, исполнявшие роли Сатина, Егора Булычова. А как Ливанов играл Ноздрева... Это фантастика!

Мы тогда не то чтобы голодали, но как-то всегда хотелось есть. Иногда вспоминаем это время с Олегом Табаковым – блистательным актером, сейчас он художественный руководитель МХТ. Познакомился я с ним в Саратове в 1949 году. Ему было четырнадцать, а мне – одиннадцать лет.

Мясо я впервые попробовал в 47-м году, после отмены продовольственных карточек. Мама повела меня в консерваторскую столовую. Она сказала, что у нее есть деньги, и предложила на выбор пирожное или котлету. Я выбрал котлету.

Рос я довольно болезненным ребенком. Сказывались нехватка витаминов, недоедание во время войны. У меня было два дифтерита. Первый дал осложнение на ноги. Я полгода вообще не ходил. Но чудеса возможны, и в одиннадцать лет

В воспитании нет секретов (из вопросов Г.М. Резнику)

– Здравствуйте, Генри Маркович. Меня зовут Надежда Гребенюк, я студентка филологического факультета Ивановского университета. Мне очень интересно, как вы воспитывали вашего сына – настоятеля этого храма отца Андрея?

– Как воспитывал? Да никак. У нас была семья, и нужно было зарабатывать на жизнь. Когда мы поженились, то было редкостным счастьем «влезть» в кооперативную квартиру. На эту квартиру я занял денег, которые отдавал потом пятнадцать лет. Я был научным сотрудником, Лариса работала адвокатом.

Единственное, что мы делали, это читали Андрею хорошие книги. Наверное, лет до двенадцати он всегда просил почитать ему перед сном.

А дальше был сложный период. Дело в том, что я не просто не любил советскую власть. Я крутился в кругу диссидентов. А будущий батюшка все это чутко воспринимал. Потому что крутиться-то я крутился, но на площадь не шел. И как бы делал карьеру. Хотя я не стремился стать начальником (вступление в партию для меня было неприемлемо), но был старшим научным сотрудником.

Мы, интеллигенты, тогда поневоле воспитывали детей по двойным стандартам. С одной стороны, ребенок слышал, как в доме родители ругали власть, которая тогда уже абсолютно смердела, а с другой – в то же время жили достаточно благополучно. Поэтому, когда Андрею было лет шестнадцать, я много чего от него наслушался. Свообразный бунт был. А дальше он стал самостоятельно искать духовную опору. Мы же всегда хотели лишь, чтобы он был достойным, честным человеком. Под себя мы его не кроили и никогда не заставляли, чтобы он

пошел по нашим стопам. Лично я для себя решил, что буду во всем его поддерживать, в любых его поисках.

Единственное, что я вам хочу сказать в качестве совета, – это то, что дети должны всегда ощущать любовь родителей. При любом бунте, неприязни и конфликте они должны знать, что родители – родные для них люди, и чувствовать их любовь и иметь возможность всегда к ним обратиться. Что бы ни было, но ниточка между нами и Андреем никогда не рвалась. А сейчас я могу сказать, что горжусь Андреем. И потом, они ведь с матушкой Юлией родили нам аж пятерых внуков, один другого лучше, и я их очень люблю. Так что никаких секретов воспитания я вам открыть не могу, потому что их просто нет.

меня посетила прыгучесть. Это определило мою судьбу на много лет вперед. Один мой приятель – он был чуть постарше – привел меня в легкоатлетическую секцию. Тренер предложил прыгнуть. Я разбежался, прыгнул, и это оказалось очень далеко. Я стал чемпионом Российской Федерации по прыжкам в высоту среди юношей младшего возраста.

А потом я начал играть в волейбол и баскетбол. И волейбол сопровождал меня длительное время. Я уехал в Москву, хотел покорить ее как волейболист. Но поступать в Физкультурный институт я не стал. Мечтал стать журналистом. Сейчас меня называют знаменитым адвокатом, юристом от Бога. Так вот, ничего мне Бог тогда о юриспруденции не шептал. Я поступал на журфак МГУ в 1956 году. Не добрал один балл.

В том же году я собрал компанию друзей, и мы поехали в Ташкент создавать волейбольную команду. В тамошнем университете было два потока – узбекский и русский. Специализация в журналистике была только для узбекского потока. А поскольку я ни к чему узбекскому отношения не имел, то решил поступать на юридический. И знаете, как часто бывает:

женишься по расчету, а оказывается – по любви. Право мне понравилось, я увлекся уголовным процессом.

Потом работал следователем в МВД Казахстана. Параллельно создал в Алматы волейбольную команду «Дорожник», которая впоследствии, уже без меня, стала чемпионом Советского Союза. Тогда следователи по особо важным делам были только на уровне республик. Нас было тринадцать человек, и только пять из них – «важняки».

Потом я поехал в аспирантуру в Москву, где, в общем, встретил свою судьбу. Это моя супруга Лариса, которая здесь присутствует. Я был аспирантом, она работала лаборанткой. Можете представить, романтика какая...

После аспирантуры двадцать лет был в науке, имел достижения кое-какие. А потом дошел до такой жизни, что стал адвокатом. И вот уже четверть века как адвокат. В адвокатуре не могли ничего лучше придумать, как меня «продвинуть» и «увенчать». Сейчас я президент Адвокатской палаты.

У меня уникальная судебная практика. В гражданских процессах я представлял интересы Ельцина, Гайдара, Шохина, Чу-

байса. В уголовных процессах, представьте, защищал Березовского, Гусинского, Голдовского. Если бы взялся защищать Ходорковского, то стал бы адвокатом «всеобщего олигархического пользования». Но это с одной стороны. С другой стороны, я месяцами и годами абсолютно благотворительно и бесплатно провожу – я их называю так – народнические дела. Защищаю правозащитников и вообще людей, которые преследуются по политическим мотивам. Здесь у меня Александр Никитин, Валерия Новодворская, Вадим Поэгли, Андрей Бабицкий, Ольга Китова. Защищал главу «Мемориала» Олега Орлова, который обвинялся в клевете на Рамзана Кадырова. Большинство дел успешно заканчивалось. Сейчас я еще и член Общественной палаты, у меня, как я шучу, туда уже «третья ходка». Могу вам сказать, что мы делаем там кое-что полезное.

Ну вот, собственно говоря, такова моя судьба. И, конечно, вы понимаете, что я здесь сегодня, в первую очередь, потому что настоятелем этого прихода является мой сын, который двадцать лет назад стал священником и приехал в Ивановскую область. И до сих пор служит здесь. И я стараюсь, как отец, во всем его поддерживать.

У каждого – свой тайный личный мир Разговор монахини с адвокатом о поэзии

– Поэзия всегда занимала в вашей жизни большое место?

– Поэзия сопровождает всю мою жизнь. Но какую поэзию мы, предвоенные дети, знали? Русскую классическую. Ничего больше, можно сказать, и не было –. Мы воспитывались в определенной идеологии. Прежде всего – героика. У Наума Коржавина об этом блестяще написано в стихотворении «По ком звонит колокол»:

*С чего начиналось,
чем бредило детство,
Какие мы сны получили в наследство!
Летели тачанки, и кони храпели,
И гордые песни казнимые пели,
Хоть было обидно стоять, умирая,
У самого входа, в преддверии рая.
Еще бы немного напора такого –
И снято проклятие с рода людского.
Последняя буря, последняя свалка –
И в ней ни врага и ни друга не жалко.*

Одно из лучших стихотворений XX века. Вообще, Коржавин – один из лучших поэтов прошедшего столетия. Раньше было религиозное воспитание – оно составляло основу жизни человека.

– Менялось ли ваше отношение к поэзии, к поэтам на протяжении жизни?

– В разные периоды на первый план выходят разные стихи. Не буду скрывать: знание стихов помогало мне обольщать прекрасный пол. Девушки-фанатки, которые вились вокруг нас, спортсменов, открывали рты, когда я читал Блока, например: *Обратила всё в шутку сначала...* Или Боратынского: *Притворной нежности не требуй от меня...* Потом абсолютное ошеломил Мандельштам, затем – Цветаева. Такая поэзия, как и музыка, стала потребностью. Дальше появились Галич, Окуджава...

– Можно ли сказать, что поэзия повлияла на становление вашей личности?

– Конечно. Стихи Осипа Эмильевича и, наверное, его судьба – это то, что участвовало в моем формировании, то, что вообще укрепляет, когда идешь против массы, против большинства. Мне периодически приходилось, да и сейчас так приходится поступать, понимаете?

– До сих пор у всех на слуху афоризм Евгения Евтушенко, что «поэт в России больше, чем поэт». Вы согласны с этим?

– Для своего времени это было действительно так. Но я очень люблю вот эти строки:

*У каждого – свой тайный личный мир,
Есть в мире этом самый лучший миг,*

*Есть в мире этом самый страшный час,
Но это все неведомо для нас.*

*И если умирает человек,
С ним умирает первый его снег,
И первый поцелуй, и первый бой...
Все это забирает он с собой.*

Литература и поэзия были те сферы, к которым люди припадали, где они получали то, что не могли получить, собственно говоря, ниоткуда. Поскольку человек алчет правды, то через поэзию люди, безусловно, приобщались, я бы сказал, к свободному слову. Я папку завел в 60-е годы, где были стихотворения: Мандельштам, Кузмин, прозаические вещи, которые не публиковались, самиздат. Сегодня человек может почерпнуть правду-матку, есть масса источников! Под контролем телевидение, но есть масса газет, передач радио, зарубежные источники и прочее, Интернет, наконец. Поэтому такая функция, я бы сказал, просветительская, информационная даже, она, конечно, ушла. И поэзия заняла достаточно скромное место, как и в развитых демократических государствах. Не надо думать, что демократия и свободный рынок знаменуют наступление высокой культуры! Нет, сейчас преобладает как раз массовая культура: запросы большинства – они, в общем, невысоки.

Но в то же время я, например, с детства ушибленный классической музыкой, стараюсь не пропускать хорошие концерты: зал наполняется, наполняются, между прочим, и залы драматических театров, разных самых. Приезжают и с периферии люди, которые испытывают духовный голод. Понимаете, есть то, что назвал поэт духовной жаждой: *«Духовной жаждою томим...»*. Степень этого томления разная, но она есть.

– Василий Андреевич Жуковский назвал поэзию родной сестрой религии. Видите ли вы связь между религией и поэзией?

– Каждый настоящий поэт, я считаю, – человек верующий, но у него своя вера. Какая эта вера, известно только ему. Настоящий художник абсолютно внутренне свободен. И, в общем, конечно, натура мятущаяся. Это, знаете, как у Блока:

*Ты будешь доволен собой и женой,
Своей конституцией куцей,
А вот у поэта – всемирный запой,
И мало ему конституций!*

Об этом очень хорошо Надежда Яковлевна Мандельштам написала. Она беседовала с Ахматовой, говорила с другими поэтами. Поэтические строки абсолютно

неожиданны для самого поэта. Например, Осип чувствует какой-то шум: все, прорыв – рождаются строчки. Это чудо. Поверить алгеброй гармонию, как писалось, абсолютно нельзя. Повторюсь: каждый настоящий поэт – человек верующий.

– Отец Андрей глубоко понимает и чувствует искусство. Есть ли в этом ваша заслуга?

– Лет до двенадцати, когда сын ложился спать, у него был вопрос: а ты мне читаешь? Читали сначала сказки, потом книжки посерьезнее. Не забывайте, что микроб нас тоже рассматривает, с той стороны микроскопа. Это афоризм Ежи Леца. Андрей наблюдал, слышал все, и, в общем, в том, что он не глух к искусству, к поэзии, в какой-то степени наша заслуга есть.

– Кто ваши любимые поэты?

– Конечно, Пушкин. Гениальные есть стихи у Боратынского. Само собой, Блок. Сонеты Шекспира, да много чего... Северянин... Но я все-таки из мандельштамовского общества. Пожалуй, самый любимый поэт – Осип Эмильевич. В нем – сочетание творчества и судьбы, поэтический дар и абсолютная цельность личности.

*И я выхожу из пространства
В запущенный сад величин,
И мнимое рву постоянство
И самосогласье причин.*

*И твой, бесконечность, учебник
Читаю один, без людей, –*

*Безлиственный, дикий лечебник,
Задачник огромных корней.*

Понимаешь, насколько этот мир огромен, какая ты в нем песчинка. Но есть преимущество – ты одарен разумом. Вот ты как человек – единственное создание, которое предъявляет природе запрос на смысл. Это очень высокое искусство – поэзия...

СКРЕПЫ

*Грех лишает душу –
мира, ум – света, тело –
нетления, всякую
тварь – всякой доброты.
Он начинает тем,
что вселяет ад в человека,
и оканчивает тем, что
человека во ад вселяет.*

*Святитель Филарет,
митрополит Московский*

Ирина УШАКОВА

Тихий подвиг Сергея Рачинского

*Тени от еле волнующей
ветром воды перебегают по листьям скло-
ненных к озеру ветвей лип. Эхо каждого слова разносится далеко по
селу, особенно слышны голоса ребят, плывущих на плоту. Они отдыхают, распластанные
на квадрате бревенчатого моста, и едва управляют им. На черной от торфа воде лежат белые лилии,
и от берегов проплывает мимо них семейство уток с важным кряканьем. Тишина и простор. Окоем барского
парка, куда едва ли возможно зайти по причине зарослей, только усиливает таинственность его и манит
заглянуть в эти кущи...*

Все большелюдей приезжает в тихий уголок на границе Оленинского и Бельского районов Тверской области, все чаще обращаются к светлому имени педагога-подвижника Сергея Александровича Рачинского. Кто-то едет посмотреть старинную школу, откуда вышли славные ученики: художник Богданов-Бельский, протоиерей Александр Васильев, законоучитель царских детей; кто-то всерьез занимается изучением опыта сельского учителя. Иные едут поклониться могилам дворян-подвижников Рачинских, иные – постоять на службе в знаменитой некогда своими певчими церкви. Многие едут в Татеево искать спасения в Обществе трезвости имени С.А. Рачинского, возрожденном здесь священником Владимиром Евстигнеевым. Я же еду – домой. Ржевско-Бельская земля – родина моих родителей, дедов, прадедов...

Мне как-то спокойно в наше равнодушное время от чувства, что прадеды мои ходили по одной земле с такими людьми, как учитель Рачинский, архиепископ Японский Николай (Касаткин), которые много добра сделали не только для своей земли и своего народа.

С.А. Рачинский окончил естественный факультет Московского университета, два года, готовясь к кафедре, работал у Германа Шахта в Берлине и у профессора Маттиаса Якоба Шлейдена в Йене. После защиты магистерской диссертации «О движении высших растений» в 1859 году первым возглавил кафедру физиологии растений в Московском университете, а в 1866-м, защитив докторскую диссертацию «О некоторых химических превращениях растительных тканей», стал ординарным профессором университета.

В его московском доме на Малой Дмитровке тогда собирались: Ференц Лист и Петр Чайковский, Каролина Павлова и Лев Толстой (позднее сын писате-

ля Сергей Львович женился на племяннице Рачинского Марии Константиновне). В литературном салоне Н.В. Сушкова Рачинский встречался с Федором Тютчевым и Константином Аксаковым. П.И. Чайковский работал над операми «Мандрагора» и «Раймонд Люллия» по сценариям Рачинского, но они не были завершены. Будущему сельскому учителю великий композитор посвятил свой «Первый струнный квартет».

В 60-х годах XIX века политические волнения в стране коснулись и университета. Рачинский уходит в отставку в знак протеста против нарушения милитром просвещения Д.А. Толстым университетской автономии. Противник реформы, Д.А. Толстой вмешался в спор между прогрессивными «молодыми» и реакционно настроенными «старыми» профессорами по поводу кандидатур двух соискателей на профессорскую должность Б.Н. Чичерин замечал, что Рачинский «воспринял университетский скандал, как кошмар, противный его тонкой и чуткой натуре».

В 1872 году Рачинский навсегда вернулся в родовое имение Татеево и до конца дней своих не оставлял забот и попечений об устройстве школ для крестьянских детей. У него не было собственной семьи, он жил почти по-монашески. За тридцать лет учительства Рачинский подготовил десятки педагогов и священников, которые продолжали его дело как во всех окрестных школах Бельского уезда, так и в дальних уголках Империи. Устройством школьного хозяйства, интерната и лечебницы в Татеево также занимались две сестры – Ольга (1834–1917) и Варвара (1836–1910).

Жизнь школы С.А. Рачинского по сути была церковной, близкой и понятной крестьянскому миру. Учитель желал не развеять предрассудки «темного» народа, а укрепить его в познании истины Христовой, растолковать то непонятное

в Православии, что народ принимал слепо и беспрекословно. В школе за одним братским столом собирались к трапезе учителя, ученики, а также закончившие школу С.А. Рачинского студенты, семинаристы, художники, священники из ближайших уездов. Детей обучали и арифметике, и церковному пению, и толкованию Псалтири, садоводству, и рисованию... Каждый церковный праздник отмечался в школе с особым торжеством и глубокой радостью. Вот как рассказывает о праздновании дня свв. Кирилла и Мефодия ученик Сергея Александровича – Емельянов: «После заамвонной молитвы учитель поставил всех нас в два ряда посреди церкви лицом друг к другу, от амвона до выходной двери. Затем стал раздавать каждому по хоругви. Это были высокие и легенькие древки с деревянными крестиками наверху, к ним прикреплены картонные хоругви, и на каждой из них была нарисована во всю хоругвь красной краской какая-нибудь славянская буква. Обедня кончилась. Старичок-священник с благообразной седой длинной бородой, в камилавке, с крестом в руках, за ним диакон с Евангелием, два мальчика со свечами, четыре мальчика с иконами свв. Кирилла и Мефодия вышли из алтаря. И вся эта торжественная процессия двинулась из церкви: мы дети-хоругвеносцы – впереди, позади нас причт, хор и все присутствующие. Выйдя из церкви, процессия отправилась к школе. День ясный, солнечный, дует маленький ветерок, тихо колыхая и шелестя нашими оригинальными хоругвями. Хор поет тропарь: “Яко апостолом единокоравии...”». (Журнал «Народное образование», июль-август 1904 года.)

Серьезным препятствием к образованию крестьян и благоустройству их быта, как, впрочем, и ныне, пьянство. Для борьбы с этим недугом Рачинский 5 июля 1882 года создал Общество трезвости. Все желавшие отказаться от пагуб-

ной привычки служили молебн преподобному Сергию Радонежскому в день памяти святого и просили его помощи. Человек давал обещание Богу, и Церковь своими таинствами ему помогала. Страждущий часто исповедовался, причащался Святых Христовых Тайн, читал дома утренние и вечерние молитвы.

Сотни людей смогли исправить свою жизнь, вступив в Общество трезвости. В селе Пречистое Духовищенского уезда обет трезвости дали 250 человек, в селе Дровине Гжатского уезда, где преподавал ученик Рачинского – В.А. Лебедев, в Общество трезвости вступило 700 человек. Во многих городах и селах, на фабриках и заводах возникли подобные общества. «Трезвенники, – писал В.Г. Георгиевский в своем некрологе о Рачинском, – стали исчисляться десятками тысяч». Неудивительно, что в наше время из всех уголков России потянулись в Татеве люди, жаждущие встать на путь здоровый и спасительный, на путь, проторенный народным учителем.

Никаких медикаментозных средств в лечении алкоголизма татевские священники в XIX веке не использовали, как не используют их и сейчас попечители возникших во многих регионах России Обществ трезвости. Человек, решивший порвать с губительной привычкой, дает обет на определенный срок, читая молитву у амвона после Божественной литургии. И далее только церковная жизнь исцеляет его недуг. Ныне Общество трезвости при Татевской церкви насчитывает 30 человек.

Пройдя с крестьянскими детьми дорогами паломника в Нилу пустынь на Селигере, сидя с ними зимними вечерами за чтением Пушкина при свете лучины, разучивая «Херувимскую» и «Свете тихий» для пения на клиросе, Рачинский ясно видел заложенные в крестьянских детях таланты и здоровые силы. В частности, он отмечал непомерное желание крестьян учиться, их способность схватывать знания на лету, а также писал, что среди крестьянских детей нет такой привычки сквернословить, какая существует у воспитанников светских учебных заведений. Публицист, общественный деятель, ученый, он глубоко знал и во многом заблуждавшийся и разлагающийся мир «интеллигенции», ведя глубокую переписку со Львом Толстым, Василием Розановым, десятками других ученых, писателей, священников. Поэтому старания Рачинского – учить учителя

лей и священников из народа – виделись ему единственным способом отвратить народ от бездны гражданской войны, которая уже тогда, в 90-е годы XIX века, открывалась перед Россией. Но учитель свято верил в простой русский народ, из которого вышли его известные ученики. «Цвет русского искусства – впереди, – писал Рачинский. – Вся громадная художественная работа России XIX века – работа подготовительная. Вся эта дивная выработка языка, все эти смелости и тонкости музыкальной и живописной техники, вся эта горячая и искренняя правдивость в изображении действительности – все это нас с детства восхищает и изумляет Европу. Это драгоценный материал для воздвигаемого здания искусства. Все наши великие художники кончают жизнь, мучимые жадой вещей божественных, или замолкают в ужасе перед великими тайнами жизни и смерти. Эта жажда будет утолена, этот ужас рассеется. Неразрешимые логической мыслью вопросы, разрешаются только ответами, воплощенными в жизни, – в искусстве. Все это дано нам видеть лицом к лицу – как в зеркале – в искусстве, в том цельном искусстве, которое мы называем религиозным и которое есть единственное, ибо все прочее – лишь блестящие осколки его».

Вера Рачинского в народные силы оправдалась. Несмотря на все катаклизмы начала XX века, из которых русский народ мог бы не выйти вовсе, уже к середине века советская империя гордилась своими учеными, музыкантами, писателями, зачастую вышедшими из крестьянской среды. Можно только догадываться, какой мощи могла бы быть наша страна, если бы в конце XIX века было побольше таких учителей, как Рачинский.

Писатель Василий Ян, побывавший в Татеве, вспоминал, что от всех учительствующих учеников Рачинского веяло чем-то искренним и чистым. «Я глядел в задумчивые глаза этих людей, поднявшихся, вышедших из народной массы, но не порвавших ни одной из нитей, связывающих их с коренной народной силой, с землей-матушкой, и мне было отрадн, тепло возле них... Эти люди не сойдут с дороги, не пропадут. С ними не оскудеет земля».

С.А. Рачинский ушел из жизни 2 мая 1902 года. На его погребение съехались десятки священников и учителей, ректоры духовных семинарий. Перед революцией о жизни и деятельности Рачинского были написаны книги, опыт его школы использовался даже в Англии. Потому как обучение на основе укоренившихся традиций и религиозных чувств народа оказалось намного эффективнее светского образования. Но кто слышал голоса тихих подвижников, когда ветер обманчивой свободы уже так весело подул на Руси?..

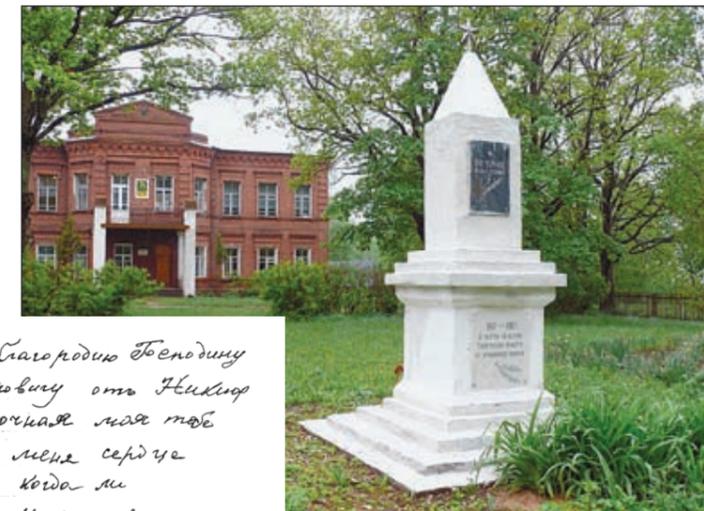

Картина «В сельской школе С.А. Рачинского» Н.П. Богданова-Бельского

Стоя у покрытых мхами времени гранитных надгробий Рачинских, видится наше великое прошлое. Недаром кладбище – от слова «клад». Вот могила Варвары Абрамовны Рачинской (Боратынской). Наша мирская молитва слаба. И я мысленно прошу эту благообразную женщину молиться за возрождение их фамильной церкви, в которой едва-едва затеплилась ныне церковная жизнь. Сердце переполняется благодарностью Варваре Абрамовне, прожившей долгую жизнь, так много сделавшей для своего народа, вырастившей прекрасных сыновей и дочерей, которые приумножили труды по созиданию земли, вверенной их предкам за военные заслуги еще императрицей Екатериной II. Рачинские открыли по уезду около тридцати школ для крестьян, многие из них были с интернатами. В лечебницы, устроенные Рачинскими, крестьяне желали попасть уже затем, что там их будет опекать не только фельдшер, но и священник.

Непреодолима скорбь от понимания того разрушения, которое произошло на русской земле в революционные и последующие годы. И этот уголок Тверского края – Татеве – хранит все славные и драматические события нашей истории. Помнит он дорогих гостей – графа С.Д. Шереметьева, философа В.В. Розанова, помнит белый усадебный дом и сгинувшую в революцию библиотеку Рачинских, в которой еще в XVIII веке герой романа В. Пикула «Фаворит» Григорий Потемкин пропадал за книгами, помнит народные песни, которые так любил, записывал и которыми делился с композитором Петром Чайковским сельский учитель Рачинский.

Сегодня Татеве – это архитектурный комплекс церкви и школы, остатки усадебного дома, покосившиеся крестьянские дворы, в которых едва слышны детские голоса, валежник и заросли, обступившие село, да летние гости, приезжающие поклониться учителю-подвижнику. Здесь будто бы ничего и не было за сотни лет. Ничего не осталось от того, что устраивалось без Божьего благословения: исчезли колхозы, запустели поля, как сквозь землю провали-

Школа имени Рачинского

*Ваше высокоблагородию Божьину
Сергею Александровичу отъ Никиты
Фрола осипова Заочная моя тебе
почтени и какъ у мене сердце
израить объ тебе когда ли
стану передбагать Неломитву
то Божьо самъ себя отвратъ
Богу затебъ Сергею Александровичу
Еще отъ тебе прошу великодушн
наши детья то растовили ихъ
почитоватъ молитви насомъ
Будущи и уф у трамъ молитви
и Акаристы или вачомъ ангелу
и поучовите пению церковному
ти мамъ будещи отачъ Имъ
детя твои.*

Рукописное письмо крестьянина

лись и трактора, которые ремонтировали в помещении храма все советское время. Конечно, нужны и засеянные поля, а возможно, и колхозы. Но храм должен оставаться храмом. Ибо «не хлебом единым жив человек...».

В наших силах собирать утраченное. Важно понять, что мы хозяева на этой земле и останемся ими навсегда. Мы – наследники нашей великой русской культуры, в которой занимают и труды С.А. Рачинского, отмеченные вы-

сочайшим Рескриптом Государя Николая II: «...Труды ваши по устройству школьного обучения и воспитания крестьянских детей, в нераздельной связи с церковью и приходом, послужили образованию уже нескольких поколений в духе истинного просвещения, отвечающего духовным потребностям народа. Школы, вами основанные и руководимые, состоя в числе церковноприходских, стали питомником в том же духе воспитанных деятелей, училищем труда, трезвости и добрых нравов и живым образцом для всех подобных учреждений...».

Татеве

Выходит сборник статей и писем С.А. Рачинского, в который включены «Письма к духовному юношеству...», статьи «Церковная школа», «Народное искусство и сельская школа» и другие, а также его письма к В.В. Розанову, Л.Н. Толстому, графу С.Д. Шереметьеву.

ОБ АВТОРЕ. Ирина Владимировна Ушакова окончила факультет журналистики Московского Экстерного Гуманитарного Университета. С 1998 по 2001 – корреспондент, а с 2006 по 2008 гг. – ответственный секретарь редакции «Историческая газета», выпускаемой Фондом им. М.Ю. Лермонтова. Автор двух поэтических сборников «Пробуждение» (2000), «По велению ранней весны» (2011). Публиковалась в журналах: «Подвиг», «Роман-журнал XXI век», «Божий мир», «Путеводная звезда», «Казачи», «Камертон», газетах «Русь Державная», «Русский вестник». С 2012 г. – координатор Международного Славянского Литературного форума «Золотой Витязь». В «Лампаде» публикуется впервые.

Он завещал не помышлять о пустяке, христианина недостойном Из истории памятников Гоголю в Москве

Памятник на могиле на Новодевичьем кладбище. Установлен в 1951 году. В 2009 г. его сменил памятный крест

В Москве, где прошли последние годы жизни Николая Васильевича Гоголя и где он умер 21 февраля 1852 года (по новому стилю – 4 марта), памятники ему устанавливались в различные эпохи. И каждый из них рассказывает не только о самом писателе, но и о том, что думали о нем разные поколения его читателей, какие грани его творчества и личности для них были наиболее понятны.

История памятников Гоголю началась с надгробия, установленного на его могиле в Даниловом монастыре в 1852 году. Это был крест, стоящий на «Голгофе». Правда, крест, наверное, нельзя назвать в буквальном смысле памятником. Скорее, это был отказ от сооружения какого-либо памятника на могиле знаменитого писателя, чтобы установить здесь только крест. Современники, в том числе друзья, руководствовались при этом прежде всего его завещанием, которое было опубликовано в «Выбранных местах из переписки с друзьями». Первая глава этой книги так и называлась: «Завещание». Гоголь писал в нем: «Завещаю не ставить надо мною никакого памятника и не помышлять о таком пустяке, христианина недостойном»¹.

Но не только слова самого Гоголя имели значение. Видимо, многие современники Николая Васильевича если не при жизни его, то вскоре после смерти поняли его облик как истинного христианина. Стало понятно, что, будучи великим писателем, он считал себя прежде всего христианином, чье главное дело – это «душа и прочное дело жизни»², а главным своим качеством – стремление «быть лучше, чем есть»³.

По воспоминаниям одного из современников, Гоголю в Италии как-то рассказали о местном обычае хоронить «неимущих иноверцев» просто в чистом поле. На это он, к удивлению собеседника, воскликнул: «Значит, надо приезжать в Рим для таких похорон»⁴. Писателю при его стремлении к простоте вообще претили светский блеск, напыщенность, внешняя многозначительность. Вот почему люди, понимавшие, как важен для Гоголя его путь именно как христианина, поставили ему на могиле не какой-либо памятник, а крест.

В 1931 году при ликвидации захоронений на территории Данилова монастыря прах Гоголя был перенесен на Новодевичье кладбище. А через двадцать лет на его могиле установили на постаменте мрамор-

¹ Н.В. Гоголь. Полн. собр. соч. Т. VIII. М., 1952. С. 219.

² Н.В. Гоголь. Полн. собр. соч. Т. VIII. М., 1952. С. 299.

³ Н.В. Гоголь. Полн. собр. соч. Т. XII. М., 1952. С. 271.

⁴ П.В. Анненков. Литературные воспоминания. М., 1983. С. 88.

ный бюст работы Н.В. Томского. Хотя эта скульптура сама по себе замечательна, но все-таки воля писателя, выраженная в его завещании, была нарушена.

На этом история событий, связанных с захоронением Гоголя, не закончилась. В 2009 году к 200-летию со дня рождения Гоголя на его могиле был установлен православный крест, а мраморный бюст поместили в музей Новодевичьего кладбища. Крест (как когда-то в Даниловом монастыре) установили на «Голгофе», то есть на вершине камня, напоминающего по своей форме гору. У подножия прикрепили табличку со словами из последней главы Откровения Иоанна Богослова: «Ей, гряди, Господи Иисусе»⁵.

* * *

В 1909 году к 100-летию со дня рождения был поставлен памятник писателю на Пречистенском (теперь Гоголевском) бульваре. Позже его перенесли во двор дома на Никитском бульваре, где прошли последние годы жизни. Памятник работы Н.А. Андреева изображает Гоголя уныло сидящим в кресле, зябко накрывшимся плащом и грустно взирающим на происходящее вокруг. Он отчасти похож на какого-то нахохлившегося птенца, страдающего от голода, холода и вызывающего жалость. Памятник привлекает внимание многих. Его даже считают лучшим в Москве. Конечно, эта скульптура весьма совершенна как произведение искусства. Потому и сочувствие к Гоголю вызывает необыкновенное: настолько убедительно он показан совершенно несчастным, унылым, одиноким, обессиленным. Однако таким Гоголь, в сущности, не был. Еще при жизни его не обошло внимание близких людей, а главное – вера не могла позволить ему стать таким.

Почему же именно такой памятник Гоголю установили в начале прошлого века? Можно было бы объяснить это декадентскими настроениями. Но и в то время было вполне заметно несходство памятника с оригиналом в чем-то существенном. У произведения Андреева были как поклонники, так и противники. Один из современников писал в 1909 году:

«Едва ли можно оспаривать, что, открывая в Москве памятник, все присутствующие мысленно видели перед собою и че-

⁵ Откр. 22:20.

ствовали Гоголя как творца “Вечеров на хуторе”, “Ревизора”, “Мертвых душ”; Гоголя времени полного расцвета его творчества, и таким он останется в нашем представлении, куда память о нем будет жива... Но таков ли он явился из-под резца скульптора?... Смотри на голову писателя на московском памятнике и на всю его приникнутую фигуру, кажется, что видим Гоголя, отрекающегося от своих творений, Гоголя, сжигающего “Мертвые души”, но не видим творца – художника, обладателя всемогущего смеха; этих черт в типе, созданном скульптором Андреевым, мы не чувствуем совсем»⁶.

Отчего же этот печальный Гоголь так полюбился многим поколениям его поклонников? Видимо, его почему-то хотят видеть именно таким – очень грустным, бессильным и даже болезненным. Сейчас можно еще точнее и определеннее сформулировать ту отрицательную черту, которая присутствует во внешне прекрасном монументе и которая отмечалась современниками его открытия.

В памятнике отражена одна (только одна) грань личности Гоголя – способность его иногда подвергаться мрачным и тоскливым настроениям, то ли под влиянием депрессии, то ли вследствие необыкновенно тонкой организации психики, то ли из-за диссонанса с окружающей действительностью. Но одна грань еще не объясняет ни сложной натуры Гоголя, ни его творчества – тоже многогранного. Зато так просто свети к болезненной мрачности Гоголя (каким он предстает в скульптурном портрете) всё то, что читатели не смогли понять ни в нем самом, ни в его произведениях. И этот памятник как бы увековечивает эту ситуацию: с одной стороны – унылый и вызывающий сочувствие Гоголь, с другой – не понимающий его, но сочувствующий ему читатель. Это очень удобно для читателей, многие из которых долгое время не понимали, да и не желали понимать «позднего» Гоголя – автора «Выбранных мест из переписки с друзьями». Удобно, потому что не надо стараться понять, не надо делать усилий – можно ограничиться сочувствием ему и любованием эстетически прекрасным изваянием.

Отчасти этот памятник даже опровергает сам себя. На постаменте изображены герои «Ревизора», «Тараса Бульбы», «Вечеров на хуторе близ Диканьки» и т.д. Они напоминают о том великодушном художественном мире, который создал Гоголь в своих произведениях – живых и ярких до сих пор. Какие же надо иметь колоссальные силы, чтобы создать эти вечно живые творения, какую энергию надо в себе заключать, чтобы придать написанным словам столько жизни и совершенства! Всему этому явно противоречит вид унылого, болезненного человека, возвышающегося на постаменте. Бывая иногда таковым (как и все мы), Гоголь все-таки не благодаря, а вопреки этому стал одной из

⁶ А. Орешников. Полтавская медаль и плакет Гоголя. М., 1909. С. 9.

вершин русской литературы. Об этом памятник ничего не говорит. Представляется весьма уместным и закономерным, что с Гоголевского бульвара он переместился во двор дома на Никитском бульваре и не остался единственным в Москве памятником гению.

* * *

Установленный к 100-летию со дня смерти в 1952 году новый памятник писателю на Гоголевском бульваре (работы Н.В. Томского) имеет надпись: «Великому русскому художнику слова Николаю Васильевичу Гоголю от правительства Советского Союза». На первый взгляд, он, с эстетической точки зрения, не интересен. Монументальная фигура просто воплощает спокойствие, величие и гармонию со всем окружающим миром. Осанисто смотрится и шинель, свободные формы которой чем-то даже напоминают библейские одежды.

Изваяние это – незамысловатое, особенной художественной искренности в нем нет. Что имело в виду правительство (и автор памятника), преподнося населению скульптурный портрет Гоголя именно в таком облике, – об этом можно только догадываться. Может быть, они просто хотели представить писателя в более оптимистическом и благополучном виде, чтобы его скульптурное изображение не навевало грустных мыслей. Да и вообще монументальность была в стиле той эпохи. Но это теперь не важно.

Что бы ни имелось тогда в виду, но именно в этом памятнике практически и удалось передать *сущность* такого явления, как Гоголь. Именно сущность, а не внешнее впечатление о нем. Потому что, по существу, Гоголь вот таким и был – человеком, сильным духом, *внутренне* благополучным и гармоничным, в том числе благодаря своей религиозности, благодаря вере. Даже то, что может показаться, на поверхностный взгляд, драмой или трагедией «позднего» Гоголя, – это не признак болезненности и слабости, а проявление крепнувшей веры. Только такой человек, каким бы он при этом ни казался внешне, мог сделать всё то, что сделал Гоголь для русской культуры.

Именно этот монумент напоминает об известных словах Гоголя из «Мертвых душ»:

«Русь! ...Зачем все, что ни есть в тебе, обратило на меня полные ожидания очи?... И еще, полный недоумения, неподвижно стою я, а уже главу осенило грозное облако, тяжелое грядущими дождями, и онемела мысль пред твоим пространством. Что проронит сей необъятный простор?»⁷.

Таким образом, преподнесшие народу этот памятник скульптор и правительство, может быть, сами того не подозревая, весьма точно выразили в нем сущность такого явления, как Гоголь, которую читателям, наверное, и дальше предстоит открывать для себя. А внутренней силе и способности расти над собой у него действительно можно поучиться.

⁷ Н.В. Гоголь. Полн. собр. соч. Т. VI. М., 1951. С. 221.

Памятник на Гоголевском бульваре

Памятник на Никитском бульваре

Гоголь на этом памятнике просто и в то же время многозначительно держит в руке книгу, и такое впечатление, что сейчас он прочитает нам всем вслух из этой книги что-то очень важное, какие-то истинные слова. Что это за книга? Одно из его произведений или его записная книжка с набросками будущих сочинений, отдельными мыслями и наблюдениями? Великий писатель как будто говорит людям: «Откройте мои книги – в них найдете портрет моей души». В них всё – от веселых «Вечеров на хуторе близ Диканьки», героического «Тараса Бульбы», поэтических и одновременно сатирических «Мертвых душ» до проповеднических «Выбранных мест из переписки с друзьями» с призывом ко всем жить по-христиански.

Плыви, кораблик!

Я не знаю, как растет в ребенке вера. Видимо, таким же причудливым образом, как и все остальное. Наблюдая ежедневно трех своих малышей, пытаюсь записывать нашу жизнь и вижу – не бывает гладкого, ровного пути к Богу, даже у ребенка, которого носили в храм еще в утробе матери. Больше похоже на странствия кораблика, взбирающегося на волну и падающего вниз, а то и вовсе потопляемого...

АННА: ГОД И СЕМЬ

«Бать» – это батюшка в храме. Произнося это слово, Анна обязательно всякий раз начертит пальчиком крестик у себя на лбу или вложит пальчик в ротик. Это означает: батюшка в храме помазывает маслом и причащает.

Перед едой и после дочка всегда читает с нами на своем птичьем языке молитвы. А бывает, что и сама, – просто съест яблочко или даже выпьет кружку воды и обязательно наклонит головку: Бога благодарит. Вообще, наклоном головы она всем и часто говорит сейчас «спасибо».

Долго не могли понять, что означает непрерывное Анино бормотание: «бугунди-бугунди-бугунди», с добавлением совершенно непередаваемого набора звуков. Пока однажды не увидела, как она стоит на диване, подняв головенку к образам, сосредоточенно бормочет и кланяется. Может быть, «бугунди-бугунди» – это «Господи, помилуй»? Часто в храме на службе берет маленький молитвослов из тех, что продаются за свечным ящиком, встает перед алтарем и тоже – «бугунди-бугунди»...

АННА: ПОЧТИ ДВА

Научилась сама складывать пальчики для крестного знамения и даже кланяется вечером перед иконами и говорит «Бог за сё!» Это значит: «Слава Богу за все!». Услышала из маминых уст, и понравилась. Но обычно я прочитываю за Анну традиционную детскую молитву о спасении мамы, папы и всех друзей и сродников. Анна только добавляет от себя последнюю фразу с поклоном. Но каждый вечер неизменно требует читать перед сном детское Евангелие. Даже пытается выговаривать само слово – «Еангеле». По чудесным картинкам узнает многие прочитанные истории и сама находит их. О Христе, одетом в хитон и сандалии, говорит: «Бог босиком». Очень любит рассматривать византийские мозаики о сотворении мира, которые мама приготовила для уроков в школе. Так же, за маминими уроками, Анна углядела книжку о греческих вазах и запомнила слово «амфора» (в ее артикуляции звучит как «афума») и

безошибочно указывает амфоры среди любых видов посуды. Кстати, и само слово «посуда», как и «одежда», тоже с недавних пор вошло в активный Анин словарь.

Самая любимая и почти ежедневно читаемая глава Евангелия – о Воскресении Христовом. Анна называет эту главу «Мария». Может быть, крохотное детское сердце уже чувствует самое главное? Спрашиваю: «Анна, где у тебя душа?». Всегда неизменно показывает на сердце.

АННА: ПОЧТИ ТРИ

Выучилась сама креститься и теперь всегда на молитве с удовольствием осеняет себя крестом, старательно, крепко вдавливая пальчики. Всегда просит зажечь свечку.

...Дети все болеют, и бабушка тоже вся трясется, бедняжка, от дикого сухого кашля. Когда же это кончится? Анна не дается лечить себя. Бегаю за ней по дому, уговариваю или в отчаянии схватываю в охапку и делаю все силком.

Однажды осенило.

– Знаешь, Анюша, а ведь Господу на кресте ой как больно было, а Он не плакал.

Анна серьезно как-то на меня смотрит. Вся сжалась. Что-то решает в себе.

– И я не буду плакать!

– Хочешь вместе Христа попросим, чтоб Он тебе помог терпеливо лечиться? – Давай!

Вечер. Очередные лечебные процедуры.

– Мама, давай попросим еще святого Георгия, чтобы он помог мне потерпеть!

Берет бумажную иконку св. Георгия на белом коне, свою любимую, из Третьяковки, где плащ – как пламя, ставит на книжную полку и минуту сосредоточенно смотрит. Как перед прыжком в воду. Оборачивается ко мне и, еще дрожа, но все-таки сама подставляет носик.

– Я не плачу!

Теперь очередь Макария. У него тоже сопли. Бедный малыш... Анна мчит в комнату и приносит иконку.

– Мама, пусть святой Георгий поможет малышу потерпеть!

Доченька моя, доброе маленькое сердечко.

На другой день идем по улице, держась за руку. Анна смотрит в небо и говорит в воздух:

– Мама, а Христос и Боженька – это одно и то же!

Папа Андрей, Анна, Дмитрий.

Мама Лена, Дмитрий, Анна. Кто на кого похож?

Анна совершенно сама стала причащаться натошак. А я-то голову ломала – как сделать это правно, осторожно, когда перевалим за три годика? А вот, видно, душа подросла и запросила. На все мои уговоры поесть перед храмом каши или хотя бы творогу, мотает головой: «Не буду. Хочу, как большая!» Так что управил Господь все Сам, а не нашими замороченными головушками решено это. Как хорошо!

АННА: ПЕРВЫЙ ПОСТ

Легкий весенний ветерок, влетев в открытую форточку, раскачивает гроздь воздушных шариков. У Анюши – день рождения, уже третий по счету. На столе у окна столпились подарки – мозаика, конфеты и нарядное платье от бабушки с дедушкой, папин цветочек в горшочке с веселым названием гузмания, мамина книжка сказок и докторский игрушечный набор. Только поставь на стол торт с тремя свечками и пируй. А девочка наша печально лежит в кроватке с капустным листом, обвязанным вокруг горла, – 39,2. У малышка – 39 градусов ровно. Какой уж тут день рождения...

Сегодня Прошеное воскресенье. Завтра начинается Великий пост. «Это золотой мост до Пасхи. Хочешь, пойдем по нему вместе?» – сказала я вчера Анне. Ей хочется, конечно, только она еще не знает, что это такое – пост. И я все думаю – не рановато ли, поймет ли смысл, захочет ли потрудиться по силе? И как определить эту посильную меру? Решили пока так – весь пост телевизор не смотрим, Анне (кроме среды и пятницы), если уж очень хочется, вечером включаем один хороший, добрый, теплый мультфильм. А так больше времени будем стараться читать и начнем делать всем подарки к Пасхе. Как раз успеем. Попробуем потихоньку трудиться над душой, умерять свои желания и капризы.

Каждый вечер и каждое утро на молитве Аннушка сама прибавляет имена своих друзей из храма, больших и маленьких. «Еще помилуй, Господи, Егора, еще Фросю, еще Катю, еще Аню и Полину, и еще Яниса...».

ВЕЛИКОПОСТНОЕ

Почему-то Анюше очень нравится молитва преподобного Ефрема Сирина. Может быть, это для нее просто весело, ново, неожиданно – кланяться в землю? Несколько первых дней поста наблюдала за мамой и теперь неизменно по утрам прибегает и становится на коленках рядом и усердно кланяется. Макарий в кроватке глядит на все это, раскрыв рот.

Анна очень ждет Пасху. Часто спрашивает, когда, наконец, она придет.

– Погоди, дочка, вот придет постом, золотым мостом, а там и Пасха за ним.

Не знаю, понимает ли она, что пост – особенное время ожидания радости. В ее жизни пост еще маленький-маленький, почти незаметный. Старуюсь не давать колбасы, которую она очень любит. Ну, уж пусть хоть в этом будет пост – отказаться от явного лакомства, вкусного, и бесполезного. С конфетами гораздо проще: она их не любит и с легкостью соглашается подождать до Пасхи. Объясняю пост как время путешествия и время битвы со злом. Про путешествие ей уже понятно (читали про «исспедицию» Вини-Пуха), про битву тоже. Видела мультик про битву русских с татарами. Наши – на белых тонконогих конях, в красных пасхальных плащах, с тонкими копьями, очень похожими на солнечные лучи. А вокруг них – черные силы тьмы, накатывающие волнами. Очень понятный малышам образ поста.

А сегодня, за завтраком:

– Мама, Пасха-красавица как будто принцесса. А Пост – это принц. Они всегда вместе. А Небо – это как будто бал.

Тема принцесс и принцев – бесконечна и ежедневна.

«СТРАШНАЯ НЕДЕЛЯ»

«Страстная неделя», «Страсти Господни» – трудные, не воспринимаемые трехлетним ребенком слова. А «Страстная неделя» – очень даже понятно. Предательство в темном, страшном саду, муки, смерть на Кресте... Как когда-то русские крестьяне, так теперь и Анна превратила Страстную неделю в «Страшную». Каждый день сама просит читать про события Страстной недели, что мы и делаем понемногу. Говорит бабушке:

– Не давай мне в пост колбасу, я буду Пасху ждать!

И ждет. «Пост – золотой мост» – любимейший наш образ в последние дни. «Я тоже иду с тобой, мама по золотому мосту». Но каша, конечно, у нас пока с молоком и картошка пока с рыбой. Ведь это самый первый пост в дочкиной жизни. А вот, говорят, детям тяжело поститься, не хочется. Похоже, тут все дело в трудной задачке для взрослых – найти меру поста именно для своего ребенка. Она и находится, кстати. У нас так случилось где-то к середине поста. И Анна дождалась-таки Пасхи. Хотя были и привычные истерики, и привычное непослушание в житейских

мелочах. Но был и труд. Стало быть, и пост был.

...Две недели Макарушка плохо спал и днем, и ночью, часто хныкал, что на него совсем не похоже. А к Пасхе заблела у него в ротике сахарная головка первого зуба.

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Макарий и Анна встречали Пасху с нами в ночном храме. Макарий сладко спал, открыв глаза только к Причастию, а Анна очень устала – опять, как всегда, бродила по храму и подпевала пасхальный тропарь. Проснулась за полдень – а в окне снег. Спрашивает с недоумением:

– Мама, это Рождество пришло?

– Нет, доченька. Пасха наступила! Христос Воскресе! С Праздником!

Туманными со сна глазенками Аннушка оглядывает праздничный натюрморт на столе в большой комнате – яички, куличик, пасха. В прошлом году малышка только кушала все это с удовольствием, а в этом году уже и помогала немножко, красила с мамой яички, рисовала для друзей закладки с вербочками.

А снег все метет и метет за окном.

Вдруг Анна словно очнулась. Кружится, прыгает, танцует и распевает:

– Христос Воскресе, мама! Христос Воскресе!

Пасхальный танец младенца. Почему-то сразу вспомнились православные арабы, пляшущие на плечах друг у друга в час схождения Благодатного огня у Гроба Господня. И царь Давид. Как он «пред сенным Ковчегом скакаше, играя». Радость, чистая, плещущая радость светлой души.

А Макарий, пожалуй, больше всего похож на пупса, который у него в руках

Вдруг снег разом прекратился, и засияло солнце.

Христос Воскресе!

«НЕ БУДУ МОЛИТЬСЯ!»

Вечное наше «не хочу – не буду». И когда это кончится? Сначала было – «не хочу кушать», «не хочу чистить зубы», «не буду убирать игрушки». Теперь полхлебе – «не буду молиться!». Вечером, перед сном, правда, дочка молится с удовольствием, часто говорит: «Почитай мне взрослое Евангелие!». А вот утром раз за разом – «не буду молиться!». Объясняешь, рассказываешь, читаешь тут же свои утренние молитвы (очень, очень, к сожалению, коротенькие, с малышами долго разве помолишься?) Кричит и убегает из комнаты. «Хочу быть плохой! Хочу злиться и делать гадости!». И все в таком духе. Потом волна эта отходит, Анна умиротворяется, спокойно играет до завтрака. Я отступаю, не настаиваю. Хотя внутренне тихо плачу. Что же это такое, Господи? Почему это? Ведь наши детки в Церкви с первой секунды жизни своей от зачатия. Думаешь, грешным делом: а вдруг вырастут обыкновенные оболтусы, для которых родители всего лишь «шнурки в стакане» и источники финансового благополучия? И наплевать им будет на жизнь с Богом. Ведь вокруг почти все так и живут, не утруждая себя сложными сюжетами, пока не подстегнет болезнь или смерть. И пойдет прахом все наше церковное младенчество... Очень ведь просто человек отворачивается от Бога, осутившись в своих делах-заботах, может быть, даже и вполне благородных внешне. Вот этого я боюсь – смерти прежде смерти. Когда человек вроде бы ходит, дышит, а на самом деле – мертвец мертвецом. Господи, избави от этой участи наших детей и нас!

Ездили с Анной смотреть старинных фарфоровых кукол, которыми играли девочки на рубеже девятнадцатого – двадцатого веков. Очень понравилось, особенно кукольные дома со множеством нарядных комнаток, которые можно долго разглядывать, открывая дверцы. На обратном пути дочка (сама!) попросилась зайти в Меньшикову башню (храм Архангела Гавриила на Чистых прудах), тихонько ходила по незнакомому храму, ставила свечки. Потом, узнав от меня, что совсем рядом Сретенский монастырь, вдруг настойчиво стала проситься туда. Несмотря на мамины отговорки (устала, пора домой, обедать) настаивала на своем. Ну, пойдем, коли так. И там тоже вела себя тихо, благоговейно, как не всегда быва-

ет в нашем родном деревенском храме. И дома с радостью вспоминала наше незапное, импровизированное маленькое паломничество

А утром опять, с гневом – «не хочу молиться!». Вот и пойми тут что-нибудь. Качели какие-то заколдованные.

Анна подходит утром, обнимает меня и крепко целует в обе щеки.

– Мамочка! Ты самая моя хорошая, я тебя люблю. Я всегда тебя буду слушаться!

...Вот такими минутами счастья и оживаешь тогда, когда нет совершенно уже сил «воспитывать».

**МАКАРИЙ: ГОД И ВОСЕМЬ;
АННА: ЧЕТЫРЕ ГОДА**

Каждый день, читая свое маленькое «правило», Анюша стала совершенно самостоятельно добавлять «Отче наш» и «Богородицу». Для нее это имеет огромное значение, так она чувствует себя «как большая», читает всегда с неизменным вдохновением.

Второй день поста. У Макарика температура 38,3. у Анны – 37,5.

А в храме – Покаянный канон, тишина, косой луч вечернего солнца на лице Матери Божьей у Царских Врат. Слава Богу за все...

...Вечером, перед сном, читаем с Анной детские молитвы. Макарик тоже стоит рядом на стульчике.

– Мама! Кайай! Кайай! Кест! – и тянет ручонки к иконам.

Это значит – «мама, дай поцеловать икону святителя Николая и Крест!» Даю и говорю:

– Перекрестись, сыночек, и целуй.

Малыш серьезно тычет себя кулачком в грудь – крестится. Берет икону святителя и звонко целует. Так же поступает с Крестом. И обязательно прикладывает Анюшке к губам и мне, потом бежит с Крестом к папе.

А Богородица для него – «мама Божья».

В Великий Четверг малыши помогали мне красить яйца и делать пасху. Макарушка тоже по-своему радуется Пасхе, говорит: «Тос накесе!» Это значит: «Христос Воскресе!» И еще любит повторять: «Мамочка, даровав!» Это он в храме и дома слышал: «И сушим во гробех живот даровав!»

Малышу очень нравится, как мы поем пасхальный тропарь. Он уже почти запомнил его, правда, слова переставляет в своем собственном порядке. Но молится серьезно, встанет перед окном с чистым небом или перед иконой в зале и начинает:

– Хитос накесе метвых даовав во гобех суших во гобех... Хитос накесе метвых!

И так долго-долго.

Невольно улыбнешься, так это трогательно выглядит. Но смеяться нельзя, все всерьез.

А то подойдет сынок ко мне и наклоняет мою голову и приговаривает:

– Гоподи помуй!

Много всякого обычного – занятия в музыкалке, сопение по складам с букварем, игры в рыцарей и принцесс, температура 39,5. И посреди этого – внезапно возникший у Анны подробный интерес к человеческому организму, к рождению детей, о чем она спрашивает беспрестанно. Смотрели с ней в пет'е, как малыш сидит в материнской утробе (фото с многочисленных УЗИ на материнских сайтах). Это ее так поразило, что не сказать словами... И никаких больше дурацких вопросов, откуда берутся дети. Скоро у нас будет еще один маленький сынок...

Слава Богу за все!

«Будущее в наших руках!» Младенец соской во рту на руках у преуспевающего молодого папы. Реклама какого-то банка на придорожном щите. Не будущее, а Вечность явлена нам в маленьком ребенке. Не время, текущее и изменчивое, а ясный свет вечной радости. Скажут: как же – ребенок растет и меняется так быстро, при чем тут Вечность? При этом – ни при чем. Не в росте тела дело. В маленьком ребенке есть все, что нужно для Вечности. Сказано же: «Будьте как дети...». Простота, доверчивость, неведение зла. Малышу ничего не нужно, у него все есть: мама и папа рядом. Он плачет, а через минуту радуется, и радуется дольше, чем плачет. Вечная Радость.

Но как же, скажут, детская вредность, жестокость, непослушание? Это уже адова бездна, в которую рано или поздно погружается каждый. Ведь человек лишился всей полноты красоты, убежав от Бога однажды, и даже в маленьком, самом чистом ребенке, даже омытом водами Крещения, всей Красоты уже нет. Для того и воскрес Христос, чтобы вывести человека из ада – и маленького, и взрослого. Для того и требуется человеку длинная взрослая жизнь, чтобы, сохранив тепло детства в запасниках души, умножив его взрослым опытом верности, любви, терпения, все-таки смог он выйти на солнечную поляну Вечности, где всякого ждет Господь.

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Георгий Осоргин

Пасхальное письмо из Бутырской тюрьмы 2

КТО ЖЕ МЫ, ПРАВОСЛАВНЫЕ?

Алексей Варламов

Наша религия крайне неагрессивна 4

Лариса Беляева

Анкета «Лампады». Скажите, пожалуйста 6

Протоиерей Андрей Ткачев

Исламский фактор 8

Н.О Лосский

Кто и как думает о нас и о нашем отечестве 9

ЦЕРКОВЬ ЗЕМНАЯ

Борис Сумашедов

Мой путь к купели 10

Илья Дроздохин – о своей Школе

Слышен звон 12

СТРАНА СЛОВ

Дмитрий Шеваров

Собравшийся с духом 14

Валентин Курбатов

Бегущая строка (из новой книги) 16

СТРАНА КРАСОК

Наталья Кривуля

Тайны души и чувства, увековеченные на пленке 18

Первая книга
«Сказки» стали былью 22

ЦЕРКОВЬ НЕБЕСНАЯ

Антон Белин

Молитвой спасаая Русь 23

Павел Маркин

Великая княгиня Евдокия Димитриевна 25

МИР ВОКРУГ НАС

Марина Нецветаева

Лонгитюд с непредсказуемыми последствиями 26

Павел Демидов

Профессия – христианин, или Человек из евангельской притчи 28

Генри Резник

Бывает: женишься по расчету, а оказывается – по любви 28

Монахиня Софрония (Алексеева) – Генри Резник

У каждого – свой тайный личный мир 30

Ирина Ушакова

Тихий подвиг Сергея Рачинского 31

Ирина Монахова

Он завещал не помышлять о пустяке, христианина недостойном 34

Елена Литвяк

Плыви, кораблик! 36

**Храм иконы
Божией Матери «Знамение»
в Ховрине**

Настоятель
протоиерей Георгий Полозов

Телефоны: (495) 453-9101
8-926-105-1054

Главный редактор
Павел Демидов

www.znamenie-hovrino.ru

Верстка Иветты Бухаровой

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-49478 от 24.04.2012 г.
Выход в свет 29.04.2013

Корректор Александра Федорова

Цена свободная

Обложка: Свято-Ильинский храм в Чернобыле
Подбор иллюстраций Вадима Лу-
нёва

Издается на добровольные пожертвования

Адрес редакции:
125414, г. Москва,
ул. Фестивальная, 77а

Приход храма иконы Божией Матери «Знамение» в Ховрине, город Москва.

Тверское ОСБ 7982/1653 г. Москвы
Сбербанк России г. Москвы
ИНН 7712050269
р/с 40703810938080100250
БИК 044525225
к/с 30101810400000000225
КПП 774301001

Отпечатано
в ООО «Типография Мосполиграф»
Москва, 4-й Лихачевский пер., д. 4

Контактный телефон:
8 (495) 974-3338

Тираж 1500 экз. Заказ № 938
© Лампада, 2013

ЛАМПАДА

в вашем доме

Подпишитесь на журнал для тех, кто стремится к Истине

ИЗДАНИЕ ХРАМА
ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ «ЗНАМЕНИЕ» В ХОВРИНЕ

Узнать о свежем номере и познакомиться с архивом журнала можно на сайтах
www.znamenie-hovrino.ru и pressa.ru

Одобрено Синодальным информационным отделом Московского Патриархата

(Свидетельство № 228 от 10 декабря 2012 г.)

Выписать журнал «ЛАМПАДА» можно
в любом отделении связи

На «ЛАМПАДУ» можно подписаться
и непосредственно в редакции

Подписные индексы:

43570 – в объединенном каталоге «Пресса
России»

16594 – в каталоге «Почта России»

Позвоните:

8 916 388 4188 или
8 926 105 105 4

«ЛАМПАДА» продается в книжных лавках московских храмов:

Благовещения Пресвятой Богородицы в Петровском
парке (ул. Красноармейская, 2, стр. 2 г)

Анастасии Узорешительницы в Теплом Стане
(ул. Теплый стан, влад. 4, 6)

св. мц. Татианы при МГУ (ул. Б. Никитская, 1)

Воскресения Словущего на Успенском Вражке
(Брюсов пер., 15/2)

Воскресения Христова в Сокольниках
(Сокольническая пл., 6)

Всех Святых б. Ново-Алексеевского монастыря
(2-й Красносельский пер., 7)

вмч. Георгия Победоносца в Коптеве
(Б. Академическая ул., 33)

Иверской иконы Божией Матери на Всполье
(ул. Б. Ордынка, 39)

иконы Божией Матери «Знамение» за Петровскими
воротами (1-й Колобовский пер., 1, стр. 2)

Новоспаский ставропигиальный мужской монастырь
(Крестьянская пл., 10)

подворье Спасо-Преображенского Соловецкого ставро-
пигиального мужского монастыря (Садовническая, 6)

прп. Алексия, человека Божия (2-й Красносельский
пер., д. 3)

Рождества Пресвятой Богородицы в Крылатском
(ул. Крылатские Холмы, 43)

Троицы Живоначальной в Хорошеве
(Карамышевская наб., 15)

Троицы Живоначальной в Хохлах
(Хохловский пер., 12)

Троицы Живоначальной в Орехове-Борисове
(Борисовский пр., 15, стр. 4)

Покрова Пресвятой Богородицы в Измайлове
(Серебряный остров, д. 1, стр. 1)

Свято-Троицкая Сергиева лавра (г. Сергиев Посад)

Сошествия Святого Духа на б. Лазаревском кладбище
(ул. Советской Армии, 12, стр. 1, 2)

Спаса Нерукотворного Образа в селе Котово
(г. Долгопрудный, Парковая, 2)

Срегенский ставропигиальный мужской монастырь
(ул. Б. Лубянка, 19)

Тихвинской иконы Божией Матери в Алексеевском
(ул. Церковная Горка, 26а)

Успения Пресвятой Богородицы на Успенском Вражке
(Газетный пер., 15)

царевича Димитрия при Голицынской
(1-й Градской) больнице (Ленинский просп., 8, корп. 5)

Троицы Живоначальной в Останкине
(1-я Останкинская ул., 7, стр. 2)

свв. апп. Петра и Павла на Новой Басманной
(Н. Басманная, 11)

апостола Иоанна Богослова
(Богословский пер., 4)

свт. Климента, папы Римского
(ул. Пятницкая, 26/7)

Успения Божией Матери
в Казачьей слободе

(ул. Большая Полянка, 37)

Живоначальной Троицы
в Карачарове

(Рязанский проспект, 3)

ISSN 2225-0271

9 177 2225 0271 001

Русская Православная Церковь

Храм иконы Божией Матери
«Знамение» в Ховрине

№ 3 (90) 2013
май — июнь

ISSN 2225-0271

ЛАМПАДА

ЖУРНАЛ ДЛЯ ТЕХ, КТО СТРЕМИТСЯ К ИСТИНЕ

Тема номера:
**КАКИЕ ЖЕ МЫ
ПРАВОСЛАВНЫЕ?**

- Сквозь тюремные стены
- Матушка земли Русской
- Вышел Ежик из тумана

